

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов

М. А. Шан-Гирей
Москва, осень 1827 г.

Милая Тетинька

Наконец настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я к вам мало напишу, то это будет не от моей лени, но от того, что у меня не будет время. Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дадут сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно; в географии я учу математическую; по небесному глобусу[1] градусы планеты, ход их и пр...; прежнее учение истории мне очень помогло. – Заставьте пожалуйста Екима рисовать контуры, мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне[2] запрещено рисовать свое. Катюше в знак благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящик моей работы. Я еще ни в каких садах не был, но я был в театре, где я видел оперу[3] «Невидимку», ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад; мы сами делаем Театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть (сделайте милость, пришлите мои воски). Я нарочно замечаю, чтобы вы в хлопотах не были, я думаю, что эта пунктуальность не мешает; я бы приписал к братцам здесь, но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тетинька, целую ваши ручки; и остаюсь ваш покорный племянник.

М. Лермантов.

М. А. Шан-Гирей
Москва, около 21 декабря 1828 г.

Милая Тетинька!

Зная вашу любовь ко мне я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился и вакация началась до 8-го января, следственно она будет продолжаться 3 недели. Испытание наше продолжалось от 13-го до 20-го числа. Я вам посылаю баллы, где вы увидите, что Г-н Дубенской поставил 4 русский и 3 латинский, но он продолжал мне ставить 3 и 2 до самого экзамена. Вдруг как-то сжалился и накануне переправил, что произвело меня вторым учеником.

Папинька сюда[4] приехал, и вот уже 2 картины извлечены из моего portefeuille...[5] славу богу! что такими любезными мне руками!..

Скоро я начну рисовать с (buste) бюстов... какое удовольствие! к тому ж Александр Степанович мне показывает также, как должно рисовать пейзажи.

Я продолжал подавать сочинения мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взял инспектор, который хочет издавать журнал, «Каллиопа» (подражая мне! (?)), где будут помещаться сочинения воспитанников. Каково вам покажется; Павлов мне подражает, перенимает у... меня! – стало быть... стало быть... – но выводите заключения, какие вам угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однако же теперь гораздо лучше, а я, – о! je me porte comme à l'ordinaire... bien![6]

Прощайте, милая тетинька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, следовательно здоровы, ибо: Les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme![7]

Остаюсь ваш покорный племянник:

М. Лермантов.

NB. Прилагаю вам, милая тетинька, стихи, кои прошу поместить к себе в Альбом, а картинку я еще не нарисовал. На вакацию надеюсь исполнить свое обещание.

Вот стихи:

ПОЭТ

Когда Рафаель вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал;
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет.
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.
М. Л.

P. S. Не зная, что дядинька в Апалихе, я не писал к нему, но прошу извинения и свидетельствую ему мое почтение.

М. А. Шан-Гирей
Москва, весной 1829 г.

Милая Тетинька!

Извините меня, что я долго не писал... Но теперь постараюсь почаще уведомлять вас о себе, зная, что это вам будет приятно. Вакации приближаются и... прости! достопочтенный пансион. Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! дома я заниматься буду еще более, нежели там.

Вы спрашивали о баллах, милая Тетинька, увы! у нас в пятом классе с самого нового года еще не все учителя поставили сии вывески нашей премудрости! [8] Помните ли, милая тетинька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видали здесь «Игрока», трагедию «Разбойники». Вы бы иначе думали. Многие из петербургских господ соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина. Бабушка, я и Еким, все, слава богу, здоровы, но M-r G. Gendroz [9] был болен, однако теперь почти совсем поправился.

Постараюсь следовать советам вашим, ибо я уверен, что они служат к моей пользе. Целую ваши ручки. Покорный ваш племянник

М. Лермантов.

P. S. Прошу вас дядиньке засвидетельствовать мое почтение и у тетиньки Анны Акимовны целую ручки. Также прошу поцеловать за меня: Алешу, двух Катюш и Машу.

М. Л.

М. А. Шан-Гирей
Москва, февраль 1831 или 1832 г.

Ma chère tante.

Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете; если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир – то это в Гамлете. Начну с того, что имеете вы перевод не с Шекспира, а перевод перековерканной пьесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое, и глупым их правилам, переменял ход трагедии и выпустил множество характеристических сцен: эти переводы, к сожалению, играют у нас на

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
театре. Верно, в вашем Гамлете нет сцены могильщиков, и других, коих я не
запомню.

Гамлет по-английски написан половина в прозе, половина в стихах. – Верно, нет
той сцены, когда Гамлет говорит с своей матерью, и она показывает на портрет его
умершего отца; в этот миг с другой стороны, видимая одному Гамлету, является
тень короля, одетая, как на портрете; и принц, глядя уже на тень, отвечает
матери – какой живой контраст, как глубоко! [10] Сочинитель знал, что верно
Гамлет не будет [11] так поражен и встревожен, увидев портрет, как при появлении
призрака.

Верно Офелия не является в сумасшествии! хотя сия последняя одна из
трогательнейших сцен! Есть ли у вас сцена, когда король подсылает двух
придворных, чтоб узнать, точно ли помешан притворившийся принц, и сей обманывает
их; я помню несколько мест [12] этой сцены; они, придворные, [13] 4 надоели
Гамлету, и этот [14] прерывает одного из них, спрашивая:

Гамлет. Не правда ли это облако похоже на пилу?

1 придворный. Да, мой принц.

Гамлет. А мне кажется, что оно имеет вид верблюда, что похоже на животное.

2 придворный. Принц, я сам лишь хотел сказать это.

Гамлет. На что же вы похожи оба? – и проч.

Вот как кончается эта сцена: Гамлет берет флейту и говорит:

Сыграйте что-нибудь на этом инструменте.

1 придворный. Я никогда не учился, принц, я не могу;

Гамлет. Пожалуйста.

1 придворный. Клянусь, принц, не могу (и проч. извиняется).

Гамлет. Ужели после этого не чудачки вы оба? Когда из такой малой вещи вы не
можете исторгнуть согласных звуков, как хотите из меня, существа одаренного
сильной волею, исторгнуть тайные мысли?..

И это не прекрасно!..

Теперь следуют мои извинения, что я к вам, любезная тетинька, не писал: клянусь,
некогда было; ваше письмо меня воспламенило: как обижать Шекспира?..

Мне здесь довольно весело: почти каждый вечер на бале. – Но великим постом я уже
совсем засяду. В университете все идет хорошо.

Прощайте, милая тетинька: желаю вам здоровья и всего, что вы желаете; если
говорят: одна голова хорошо, а две лучше, и зачем не сказать: одно сердце
хорошо, а два лучше.

Целую ваши ручки и остаюсь покорный ваш племянник

М. Лермантов.

P. S. Поклонитесь от меня дядиньке и поцалуйте пожалуйста деточек...

Н. И. Поливанову
Москва, 7-го июня 1831 г.

Любезный друг, здравствуй!

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

Протяни руку и думай, что она встречает мою; я теперь сумасшедший совсем. Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листья осени. – Завтра свадьба твоей кузины[15] Лужиной, на которой меня не будет (??); впрочем, мне теперь не до подробностей. – Черт возьми все свадебные пиры. – Нет, друг мой! мы с тобой не для света созданы; – я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. – Source intarissable![16] – Много со мной было; прощай, напиши что-нибудь веселее. Что ты делаешь? – Прощай, друг мой.

М. Лермантов.

С. А. Бахметевой
Тверь, июль – начало августа 1832 г.

Ваше Атмосфераторство!

Милостивейшая государыня,

София, дочь Александра!..

ваш раб всепокорнейший Михайло, сын Юрьев бьет челом вам.

Дело в том, что я обретаюсь в ужасной тоске: извозчик едет тихо, дорога пряма, как палка, на квартире вонь, и перо скверное!..

Кажется довольно, чтоб истощить ангельское терпение, подобное моему.

Что вы делаете?

Приехала ли Александра, Михайлова дочь – и какие ее речи? всё пишете – а моего писания никому не являйте.

Растрясло меня и потому к благоверной кузине не пишу – а вам мало; извините моей немощи!..

До Петербурга с обоими прощаюсь.

раб ваш М. Лерма.

Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение тетиньке и всем домочадцам.

С. А. Бахметевой
Петербург, август 1832 г.

Любезная Софья Александровна;

до самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах; ездил туда сюда, к Вере Николаевне на дачу и проч., рассматривал город по частям и на лодке ездил в море – короче, я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений!.. Преглупое состояние человека то, когда он принужден занимать себя, чтоб жить, как занимали некогда придворные старых королей; быть своим шутом!.. как после этого не презирать себя; не потерять доверенность, которую имел к душе своей... одну добрую вещь скажу вам: наконец я догадался, что не гоюсь для общества, и теперь больше, чем когда-нибудь; вчера я был в одном доме NN, где, просидев 4 часа, я не сказал ни одного путного слова; – у меня нет ключа от их умов – быть может, слава богу! –

Вашей комиссии я еще не исполнил, ибо мы только вчера перебрались на квартиру: – Прекрасный дом – и со всем тем душа моя к нему не лежит; мне кажется, что отныне я сам буду пуст, как был он, когда мы въехали. – Пишите мне, что делается в странах вашего царства? как свадьба? всё ли вы в Средниково или в Москве: чай, Александра Михаловна да Елизавета Александровна покою не знают, всё хлопочут! – Странная вещь! только месяц тому назад я писал:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастью на зло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело;
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман: –

Что без страданий жизнь поэта?

И что без бури океан?

И пришла буря, и прошла буря; и океан замерз, но замерз с поднятыми волнами; храня театральные вид движения и беспокойства, но в самом деле мертвее, чем когда-нибудь.

Надоел я вам своими диссертациями!.. Я короче сошелся с Павлом Евреиновым: – у него есть душа в душе!

– Одна вещь меня беспокоит: я почти совсем лишился сна – бог знает, надолго ли; – не скажу, чтоб от горести; были у меня и больше горести, а я спал крепко и хорошо; – нет, я не знаю: тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит.

Дорогой я еще был туда сюда; приехавши не гоюсь ни на что; право мне необходимо путешествовать; – я цыган.

– Прощайте, – пишите мне, чем поминаете вы меня? – Обещаю вам, что не все мои письма, будут такие; теперь я болтаю вздор, потому что натошак. – Прощайте;

член вашей bande joyeuse[17]

M. Lerm.

P. S. У тетушек моих целую ручки, и прошу вас от меня отнести поклон всем моим друзьям... во втором разряде коих Achille, арап; а если вы не в Москве, то мысленно.

Прощайте.

C. A. Бахметевой

Петербург, начало августа 1832 г.

Примите дивное посланье

Из края дальнего сего;

Оно не Павлово писанье –

Но Павел вам отдаст его.

Увы! как скучен[18] этот город,

С своим туманом и водой!..

Куда ни взглянешь, красный ворот,

Как шиш торчит перед тобой;

Нет милых сплетен – всё сурово,

Закон сидит на лбу людей;

Всё удивительно и ново –

А нет не пошлых новостей!

Доволен каждый сам собою,

Не беспокоясь о других,

И что у нас зовут душою,

То без названия у них!..

– И наконец[19] я видел море,

Но кто[20] поэта обманул?..

Я в роковом его просторе

Великих дум не почерпнул.

Нет! как оно, я не был волен;

Болезнью жизни, скукой болен,

(На зло былым и новым дням)

Я не завидовал, как прежде,

Его серебряной одежде,

Его бунтующим волнам. –

Экспромтом написал я вам эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имею духу продолжать таким образом. – В самом деле; не знаю отчего, поэзия души моей погасла;

По произволу дивной власти

Я выкинут из царства страсти;

Как после бури на песок

Волной расшибенный[21] челнок:

– Пускай прилив его ласкает;

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает,
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится, и на воле!
Погиб – и дан ему покой! –

Мне кажется, что это недурно вышло; пожалуйста не рвите этого письма на нужные вещи. – Впрочем если б я начал писать к вам за час прежде то, быть может, писал бы вовсе другое; каждый миг у меня новые фантазии...

– Прощайте, дражайшая.

– Я к вам писал из Твери и отсюда – а до сих пор не получил ответа.

Стыдно – однако я прощаю.

– И прощаюсь. –

М. Лерма.

Тетиньке и всем нижайшее мое почтение.

Пишите – что делается, и слышится, и говорится.

У Демидовой был, дома не застал; она была у какой-то директорши, – бог знает; – я письма не отдал и на днях поеду опять. – Не имею слишком большого влечения к обществу: надоело! – Всё люди, такая тоска, хоть бы черти для смеха попадались.

М. А. Лопухиной

S.-Pétersbourg le 28 Août. 1832

Dans le moment où je vous écris, je suis très inquiet, car grand'maman est très malade, et depuis deux jours au lit; – ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne: – vous nommer toutes les personnes que je fréquente? – moi, s'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir; [22] en arrivant je suis sorti, il est vrai assez souvent, chez des parents avec lesquels je devais faire connaissance, mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi; j'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis – tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, bien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre pour la première fois, car entre un arbre, et un autre, le ciseau du maître a ôté toute différence!..

– J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine – et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!.. à propos de votre mariage, chère amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu (pas français); – j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes – cette expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué que ça soit fini comme cela, et pas autrement! – Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.

–

– J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu'on m'aime, je ne doute plus, ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter; – vous avez ce défaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

– Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenêtre qui donne sur le canal; voilà ce que j'ai écrit! –

Для чего я не родился
Этой синею волной? –
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной;
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок, [23]
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди
Мой набег бы разрушал;
И к моей студёной [24] груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою! –
– Voici une autre; ces deux pièces vous expliqueront mon état moral mieux que
j'aurais pu le faire en prose;

Конец! как звучно это слово!
Как много, – мало мыслей в нем!
Последний стон – и всё готово
Без дальних справок; – а потом?
Потом вас чинно в гроб положут
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас;
Простив вам каждую обиду,
Отслужит в церкви панихиду,
Которой – (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать;
И если вы скончались в вере
Как христианин, то гранит
На сорок лет по крайней мере
Название ваше сохранит,
С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастью, вы сами
Не прочтаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И может быть из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготовит суп –
(Всё это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там – но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.
– Adieu... je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je
crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans, si
Moïse n'a pas menti.

Mes compliments à tout le monde.

– votre ami le plus sincère

M. Lerma.

Перевод

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
С.-Петербург, 28 августа.

Пишу вам в очень тревожную минуту, так как бабушка тяжело заболела и уже два дня как в постели; получив ваше второе письмо, я нахожу в нем теперь утешение. Назвать вам всех, у кого я бываю? У самого себя: вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием. Как только я приехал, я посещал – и признаюсь, довольно часто – родственников, с которыми я должен был познакомиться, но в конце концов я убедился, что мой лучший родственник – я сам; я видел образчики здешнего общества: дам очень любезных, кавалеров очень воспитанных – все вместе они на меня производят впечатление французского сада, и не пространныго и не сложного, но в котором можно заблудиться в первый же раз, так как хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями.

Пишу мало, читаю не больше; мой роман становится произведением, полным отчаяния; я рылся в своей душе, желая извлечь из нее все, что способно обратиться в ненависть; и все это я беспорядочно излил на бумагу – вы бы меня пожалели, читая его!.. Кстати о вашем браке: дорогой друг, вы догадываетесь, как я рад, узнав, что он расстроился (не французский оборот); я уже писал моей кузине, что этот вздернутый нос годится разве что для того, чтобы вынюхивать жаворонков; – это выражение мне самому очень понравилось. Слава богу, что дело кончилось именно так, а не иначе. Впрочем, не будем больше говорить об этом; и так уже наговорили слишком много.

У меня есть достоинство, которого у вас нет; когда мне говорят, что любят меня, я в этом больше не сомневаюсь, или (что еще хуже) не подаю вида, что сомневаюсь; у вас же этот недостаток есть, и я вас прошу от него избавиться, по крайней мере в ваших милых письмах.

Вчера в 10 часов вечера произошло небольшое наводнение, и даже стреляли из пушек – по два выстрела три раза с промежутками по мере того как вода прибывала и убывала. Ночь была лунная, я сидел у окна, выходящего на канал; вот, что я написал!

Для чего я не родился...

Вот другие стихи; эти два стихотворения выразят вам мое душевное состояние лучше, чем я бы мог это сделать в прозе.

Конец! как звучно это слово...

Прощайте... не могу больше писать, голова кружится от глупостей; думаю, что по той же причине кружится и земля вот уже 7000 лет, если Моисей не солгал.

Всем привет.

Ваш самый искренний друг М. Лерма.

М. А. Лопухиной
Pétersbourg 2 Septembre. 1832 г.

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous; et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre – savez vous, chère amie, comment je vous écrirai – par moments! – une lettre durera quelquefois plusieurs jours, – une pensée me viendra-t-elle je l'inscrirai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit – je vous en ferai part – êtes-vous contente de ceci? –

Voilà plusieurs semaines déjà que nous sommes séparés, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. – Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталью Алексеевна, parce qu'elle vient de nos contrées: – car Moscou est et sera toujours ma patrie. – J'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, et j'y ai été trop heureux! – ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire!

Mademoiselle Annette m'a dit qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille! – pauvre ambition! – cela m'a réjoui... et encore comment! – cette drôle passion de laisser partout des traces de son passage! – une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit vaut-elle la peine d'être répétée dans un objet

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
материел, avec le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de quelques'uns; – il faut que les hommes ne soient pas nés pour penser, puis qu'une idée forte et libre est pour eux chose si rare! –

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers; cela n'est pas bien amical ni même philanthropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом; –
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! – он счастья не ищет,
И не от счастья бежит! –
Струя под ним светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой: –
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

– Adieu donc, adieu – je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire – chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité... car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant! – je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon cœur; car ma vie – c'est moi, moi, qui vous parle, – et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien. – Dieu sait, si après la vie, le moi existera! C'est terrible, quand on pense qu'il peut arriver un jour, où je ne pourrai pas dire: moi! – à cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue. –

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos sœurs – car je ne suppose pas ma cousine de retour. –

– Dites moi, chère miss Mary, si monsieur mon cousin Evreïnoff vous a rendu mes lettres; et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre.

– Adieu –

Votre dévoué Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question – mais elle se refuse de sortir de ma plume. – Si vous me devinez – bien, je serai content; – si non – alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de question dont peut-être vous ne vous doutez pas! –

Перевод
2 сентября.

Как раз сейчас начинаю рисовать кое-что для вас и может быть пошлю вам рисунок с этим же письмом. Знаете, дорогой друг, каким образом я вам буду его писать – по временам – одно письмо иногда будет длиться несколько дней. Придет ли мне в голову мысль, я ее запишу, запечатлется ли в моем уме что-нибудь замечательное – сообщу вам. Довольны ли вы этим?

Вот уж несколько недель мы в разлуке и может быть на очень долгое время, потому что я не вижу ничего достаточно утешительного в будущем, а между тем я все тот же, вопреки лукавым предположениям кое-каких лиц, имени которых не скажу. – И, наконец, вы можете себе представить, я был на седьмом небе при встрече с Натальей Алексеевной, потому что она явилась из наших мест; ибо Москва есть и всегда будет моя родина. – Я в ней родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив. Лучше бы этих трех вещей не было... но что делать!

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

Аннета сообщила мне, что знаменитую голову на стене не стерли! – Жалкое честолюбие! Это меня обрадовало... и еще как! Вот – смешная страсть везде оставлять следы своего пребывания! Стоит ли мысль человека, как бы значительна она ни была, того, чтобы ее повторяли в чем-нибудь вещественном с той только целью, чтобы она стала понятной душе других? По-видимому, люди не рождены для того, чтобы думать, потому что сильная и свободная мысль у них такая редкость!

Я поставил себе целью погрести вас под грудой своих писем и стихов; это не очень дружественно и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению.

Вот еще стихи, которые я написал на берегу моря:

Белеет парус одинокий...

Прощайте же, прощайте! Я не совсем здоров. Счастливый сон, божественный сон испортил мне весь день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. – Удивительная вещь – сны! – изнанка жизни, которая подчас приятнее действительности! Я ведь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь только сон; я очень сильно чувствую ее реальность, ее завлекающую пустоту! Я никогда не сумею отрешиться от нее в такой степени, чтобы добровольно презирать ее; потому что жизнь моя это я сам, говорящий вам и тот, который через мгновение может превратиться в ничто, в одно имя, т. е. – опять-таки в ничто. – Бог знает, будет ли существовать мое «я» после смерти. Ужасно думать, что может настать день, когда я не буду в состоянии сказать: «я»! – Если это так, то мир – только комок грязи.

Прощайте, не забудьте напомнить обо мне своему брату и сестрам, кузина же, я полагаю, еще не возвратилась.

Скажите, дорогая мисс Мери, вернул ли вам господин мой кузен Евреинов мои письма и как вы его нашли? в этом вопросе я вас избираю своим термометром. Прощайте.

Преданный вам Лерма.

P. S. Я очень хотел бы задать вам один вопрос, но перо отказывается его написать. Если угадываете, хорошо, я буду рад, если же нет, то значит, если бы я даже задал этот вопрос, вы бы не сумели на него ответить.

Этот вопрос такого рода, о котором вы быть может даже не догадываетесь!

М. А. Лопухиной
Петербург, около 15 октября 1832 г.

Je suis extrêmement fâché que ma lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la vôtre pour grand'maman; – ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part; puisque je l'aime beaucoup, trop pour m'esquiver par un mensonge, et que, à ce que vous pouvez lui attester, je ne suis pas paresseux à écrire; je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après-demain je tiens examen, et suis enterré dans les mathématiques. – Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle; moi, qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idole, voilà que je me fais guerrier; – peut-être est-ce le vouloir particulier de la providence! – peut-être ce chemin est-il le plus court; et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènera-t-il au dernier de tout le monde. Mourir une balle de plomb dans le cœur, vaut bien une lente agonie de vieillard; – aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par dieu d'être le premier partout. – Dites je vous en prie, à Alexis que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas; il avait il y a longtemps désiré quelque chose de semblable; et je lui envoie la même chose, seulement dix fois mieux; – maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps; dans quelques jours l'examen; une fois entré je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous, et toutes, de me riposter; – mademoiselle Sophie m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée; le saint du Voronège lui aurait-il conseillé de m'oublier? – dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. –

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

Que coûte une lettre? – une demi-heure! et elle n'entre pas à l'école des gardes; – vraiment je n'ai que la nuit; – vous, c'est autre chose; il me paraît que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivé à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. – Croyez ou non, mais cela est tout-à-fait vrai; je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie; je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. – Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous; maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme je serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra reliaer mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années; prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; – à vous seule je puis dire tout ce que je pense, bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière; vous ne devez pas – car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. – J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini; j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours que vont suivre seront vides de sensations...

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! – но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил – и бог не спас! –
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый;
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты – его паденья час! –
И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подруги
Колеблются на ветках – ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
– Ужасно стариком быть без седин; –
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою; –
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

Adieu – mes poclony à tous – adieu, ne m'oubliez pas.

M. Lermantoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreïhoff; et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère, est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il était hypocrite[25] – il n'a pas assez de moyens pour cela; il n'est que menteur.

Перевод

Мне крайне досадно, что мое письмо к кузине затерялось так же как и ваше письмо к бабушке. Кузина может быть думает, что я разленился или что я лгу, уверяя, что написал. Но и в том и другом она была бы несправедлива, потому что я слишком люблю ее для того, чтобы прятаться за обман, и потому, что, как вы можете засвидетельствовать, я не ленив на письма. Возможно я оправдаюсь с этой же почтой; в противном случае, прошу вас, сделайте это за меня. Послезавтра держу экзамен и целиком погряз в математике. Скажите ей, чтобы она время от времени мне писала; ее письма так милы.

Я всё еще не могу себе представить, какое впечатление произведет на вас такая важная новость обо мне: я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Возможно таква особая воля providения! Может быть, это кратчайшая дорога и, если она не приведет меня к моей первоначальной цели, то, вероятно, приведет к

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
конечному пределу всего существующего. Умереть с свинцовой пулей в сердце стоит медленной агонии старца. Итак, если будет война, клянусь вам богом, буду везде впереди. Очень прошу вас сказать Алексею, что я ему пришлю подарок, какого он и не ожидает. Давно он желал чего-то подобного, и я ему шлю то самое, но в десять раз лучше. Сейчас я ему не пишу, потому что нет времени. Через несколько дней экзамен. Как только поступлю, заброшу вас письмами и заклинаю вас всех – ваших друзей и подруг, отвечайте. Софья обещала мне написать тотчас по приезде, не воронежский ли угодник посоветовал ей позабыть меня? Скажите ей, что я желал бы получить от нее весточку. Чего стоит письмо? – Полчаса. А она ведь не поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков! Право, я бываю свободен только по ночам; вы – другое дело. Мне кажется, что если бы я не сообщил вам о тех важных событиях, которые со мной произошли, то я бы утратил половину своей решимости. Верьте или не верьте, а это действительно так. Не ведаю, почему, но когда получаю от вас письмо, не могу удержаться, чтобы не ответить вам сейчас же, как будто я с вами беседую.

Прощайте же, дорогой друг, не говорю до свидания, потому что не смею надеяться увидеть вас здесь. Между мной и милой Москвой существуют непреодолимые преграды, и судьба по-видимому решила нагромождать их с каждым днем. Прощайте, постарайтесь и впредь лениться не больше, чем это было до сих пор, и я буду вами доволен. В настоящее время ваши письма мне нужнее чем когда-либо. В моем теперешнем заключении они будут для меня высшим наслаждением. Только они смогут связать мое прошлое и мое будущее, которые уходят каждое в свою сторону, оставляя между собой преграду из двух печальных и тягостных лет. Возьмите на себя эту скучную, но милосердную обязанность, и вы помешаете погибнуть человеческой жизни. Только вам одной я могу сказать всё, что думаю: хорошее или дурное, что я вам уже доказал своей исповедью. И вы не должны оставаться в стороне, не должны потому, что я прошу от вас не снисходительности, а благодеяния. Несколько дней тому назад я был встревожен, теперь это прошло; всё кончено. Я жил, я созрел слишком рано. И грядущие дни пройдут без сильных впечатлений!..

Он был рожден для счастья, для надежд...
Прощайте. Мои «поклоны» всем. Прощайте, не забывайте меня.

М. Лермонтов.

P. S. Я никогда ничего по вашему поводу Евреинову не писал; и вы видите, что всё, что я сказал об его характере – правда. Единственно я был не прав, называя его лицемером – для этого он не располагает достаточными средствами – он всего-то враль.

А. М. Верещагиной
Петербург, конец октября, начало ноября 1832 г.

Femme injuste et crédule! (et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine). Vous avez crû aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou, comme à tant d'autres; car il y a une réforme dans toutes les universités, et je crains qu'Alexis n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une année aux trois insupportables.

– Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre à l'école des gardes; ce qui me privera malheureusement du plaisir de vous voir bientôt. – Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint; – ne grondez donc plus, et consolez moi, si vous avez un cœur. –

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire par peser les paroles, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelque chose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenir; et si vous venez à Pétersbourg j'espère me venger entièrement, – et par-dessus le marché – à coups de sabre – et point de quartier, entendez vous! – mais que cela ne vous effraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse; et mademoiselle Sophie, à laquelle je n'écris pas, parce que je boude contre elle; elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège – une longue lettre, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps – qui remplace la lettre.

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

– Et vous, chère cousine, vous m'accusez de la même chose! – et pourtant je vous ai écrit deux lettres après monsieur Paul Evreïnoff. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolypine à Moscou, je suis sûr que le Léthé les a englouties, ou que la femme d'un domestique entortilla des chandelles avec mes tendres épîtres.

– Donc, je vous attends cet hiver; point de réponses évasives; vous devez venir; un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur ne doit pas se faner sur sa tige, et cetera.

En attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de dieu, je serai militaire; encore: vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un très bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité; apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées, et que vous n'êtes que pour le présent et le futur, qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occasion; adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une future; il faut qu'elle ressemble à Dachinka, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symétrie avec moi, comme vous savez; ou comme vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains

M. Lerma.

P. S. Mes compliments aux tantes. –

Перевод

Женщина несправедливая и легковверная! (заметьте, что я имею полное право назвать вас так, дорогая кузина). Вы поверили словам и письму молодой девушки, не разобравшись в них. Аннета говорит, что никогда не писала, будто у меня была неприятность, а только, что мне не зачли, как многим другим, годы, которые я провел в Москве, ибо во всех университетах проведена реформа, и я боюсь, как бы не пострадал и Алексей, потому что к трем нестерпимым годам прибавляют еще один.

Вы должно быть уже знаете, милостивая государыня, что я поступаю в Школу гвардейских подпрапорщиков, что лишит меня к несчастью удовольствия вас увидеть в ближайшее время. Если бы вы могли догадаться, сколько огорчения мне это причиняет, вы бы меня пожалели, не бранитесь же больше и утешьте меня, если у вас есть сердце.

Я не могу постичь, что вы хотите сказать выражением «взвешивать слова», я не помню, чтобы я писал вам что-нибудь подобное. Сверх сего, я благодарю вас, что вы меня выбрали, что мне урок на будущее время, и, если вы приедете в Петербург, я надеюсь вполне отомстить за себя – и с избытком да еще сабельными ударами – и без всякой пощады, слышите ли вы! Но пусть это вас не пугает; все-таки приезжайте и привезите с собой многочисленную свиту и Софью, которой я не пишу, потому что на нее дуюсь. Она мне обещала написать, вернувшись из Воронежа, длинное письмо, но я замечаю только длительность времени, заменяющую самое письмо.

А вы, дорогая кузина, обвиняете меня в том же, а ведь я написал вам два письма вслед за Павлом Евреиновым. Но так как они были посланы по адресу дома Столыпина в Москву, то я уверен, что их поглотила Лета или же жена какого-нибудь лакея обмотала свечи моими нежными посланиями.

Итак, я ожидаю вас этой зимой; не надо уклончивых ответов; вы должны приехать; хорошее намерение нельзя оставлять без исполнения, цветок не должен увянуть на стебле своем и т. д.

Пока говорю вам прощайте, потому что мне нечего сообщить вам интересного; готовлюсь к экзамену и через неделю с божьей помощью стану военным; еще: вы придаете слишком много значения невской воде; она является хорошим слабительным, но других качеств я за ней не знаю; невидимому, вы забыли мои прошедшие ухаживания и живете настоящим временем и для того будущего, с которым вам вероятно предстоит скоро встретиться, прощайте же, дорогой друг, и приложите все ваши усилия, чтобы и мне найти суженую. Надо, чтобы она была похожа на Дашеньку, но только без ее толщины, потому что тогда не будет соответствия со мной, как

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
вам известно, или как вам не известно, потому что я стал тонок как спичка.

Целую ваши руки. М. Лерма.

P. S. Мой привет теткам.

М. А. Лопухиной
19 Juin, Pétersbourg 1833 г.

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai – dévorées; il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles; hier c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois; – je vous écris assis sur un banc de l'école au milieu du bruit des préparatifs, etc... – Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre, que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen, pour la I-re classe, et suis, un des premiers... cela nourrit toujours l'espérance d'une prochaine liberté! –

Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange; samedi avant de me réveiller je vois en songe, que je suis dans votre maison; vous êtes assise sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous – mais vous sans répondre m'avez tendu la main; le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous – et je trouve vos lettres. Cela me frappe! – je voudrais savoir: que faisiez vous ce jour-là? –

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится! – ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable. Car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promesses d'après un registre;

– Dites je vous prie à ma cousine que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa sœur! – et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à cœur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps? – et bien puisque c'est fini n'en parlons plus – adieu, on me demande – car le général est arrivé. – Adieu.

M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard; j'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre: celle du vice ou de la sottise; il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but; – je sais que vous m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler – ce serait de trop! je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! – Les termes vous déplaisent – mais hélas: dis moi qui tu hantes je te dirai qui tu es! – Je vous crois que, mademoiselle S. est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté d'autant plus si c'est du mal! – que dieu la bénisse! – quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire. – Je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi[26] que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois

– adieu.

Перевод
19 июня. Петербург.

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

Вчера я получил ваши два письма, дорогой друг, и я их проглотил; уже так давно не получал я от вас известий; вчера было последнее воскресенье, проведенное мной дома, в отпуску, а завтра (во вторник) мы отправляемся в лагерь на два месяца – я вам пишу сидя на школьной парте, под шум приготовлений и т. д. – Я полагаю, что вы будете рады узнать, что я, пробыв в школе только два месяца, выдержал экзамен в первый класс и теперь один из первых... это всё-таки внушает надежду на близкое освобождение!

Однако я обязательно должен рассказать вам одно довольно странное обстоятельство. В субботу перед пробуждением я вижу во сне, что нахожусь в вашем доме: вы сидите на большом диване в гостиной, я подхожу к вам и спрашиваю, желаете ли вы решительно, чтобы я поссорился с вами; а вы не отвечая протянули мне руку. Вечером нас распустили, я отправился к своим – и нахожу ваши письма. Это меня изумило! Мне хотелось бы узнать, что делали вы в этот день?

Теперь я должен вам объяснить, почему направляю это письмо в Москву, а не на дачу. Я оставил дома ваше письмо вместе с адресом. Так как никто не знает, где я храню ваши письма, я не могу вытребовать его сюда.

Вы спрашиваете, что означает фраза относительно женитьбы князя: удавится или женится! Честное слово не помню, чтобы я писал что-нибудь подобное. Я слишком хорошего мнения о князе и уверен, что он не принадлежит к числу тех, что выбирают себе невесту по имущественной описи.

Скажите, пожалуйста, кузине, что будущей зимой у нее будет любезный и красивый кавалер: Иван Ватковский, гвардейский офицер. И всё это потому, что его полковник женится на ее сестре. Вот и говорите после того, что не бывает случайности в этом дольном мире.

Скажите откровенно, дулись ли вы на меня некоторое время? Ну раз это кончено, прекратим этот разговор. – Прощайте. Меня зовут, так как прибыл генерал. Прощайте. М. Лерма.

Мой привет всем.

Уже поздно; мне удалось найти свободную минуту, чтобы продолжать письмо. С тех пор как я вам писал, со мной случилось столько странных происшествий, что даже сам не знаю, каким путем я пойду – то ли порока, то ли глупости: правда нередко оба пути приводят к одной и той же цели. Я знаю, что вы будете уговаривать меня и попытаетесь утешить, – но это было бы излишним. Я счастливее чем когда-либо, веселее любого пьяницы, распевающего на улице. Эти выражения вам не нравятся! Но уввы: скажи, с кем ты водишься, и я тебе скажу, кто ты таков! Я верю вам, что С. фальшива, потому что знаю, что вы никогда не исказите истины, особенно в дурную сторону! Бог с ней! Что же касается других предметов, о которых я мог бы вам написать, то храню молчание, полагая, что много слов не стоят одного дела, а так как я от природы ленив, как вы это знаете, дорогой друг, то засыпаю на лаврах, положив трагический конец сразу и своим делам и словам.

Прощайте.

М. А. Лопухиной
S.-Pétersbourg. Le 4-me Août. 1833 г.

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible; imaginez-vous une tente qui a 3 archines en long et en large et 21/2 de hauteur, occupée par trois personnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chakos[27] etc., etc. – le temps a été horrible, une pluie qui ne finissait pas faisait, que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits; et pourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu; vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant grâce à dieu j'en ai joui complètement.

– Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommencent nos occupations; la seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier. – Et alors, alors – ... bon dieu! si vous saviez la vie que je me propose de mener!.. oh, cela sera charmant: d'abord, des bizarreries, des folies de toute espèce, et de la poésie noyée dans du champagne: – je sais vous allez vous recrier; mais

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

hélas, le temps de mes rêves est passé; le temps de croire n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achète avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!.. voilà ce qui m'est nécessaire maintenant, et vous vous apercevez, chère amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés; quand j'ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai; j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se déshabituer du vin; – mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans le passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses; – vous me dites que le Prince T. et votre sœur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre sœur ne paraît pas très disposée à la soumission, et il paraît que monsieur n'est pas non plus un agneau! – Je souhaite que ce calme factice dure le plus longtemps possible – mais je ne saurais prédire rien de bon. – Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez; et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui. – Que faites vous à la campagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention sérieuse!

Dans un an, peut-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? – me reconnaîtrez-vous, et voudrez-vous le faire? – Et moi, quel rôle jouerai-je? sera-ce un moment de plaisir, pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an; – ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs, et sans en avoir joui, j'en suis dégoûté.

– Mais ceci est un sujet bien triste que je tâcherai de ne pas ramener une autre fois; lorsque vous serez à Moscou annoncez le moi, chère amie.. – je compte sur votre constance;

adieu;

M. Ler...

P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

Перевод

С.-Петербург, 4 августа.

Я не подавал о себе вестей с тех пор, как мы отправились в лагерь, да и действительно мне бы это не удалось при всем моем желании; вообразите себе палатку в 3 аршина в длину и ширину и в 21/2 в высоту, в которой живет три человека со всем снаряжением, со всеми доспехами, как: сабли, карабины, кивера и проч., и проч. Погода была отвратительная, из-за бесконечного дождя мы бывало по два дня сряду не могли просушить свое платье. Тем не менее эта жизнь мне до некоторой степени нравилась. Вы знаете, дорогой друг, что у меня всегда было вполне определенное пристрастие к дождю и грязи и теперь, слава богу, я наслаждался ими вдоволь.

Мы вернулись домой, и скоро начинаются наши занятия. Единственно, что придает мне сил – это мысль, что через год я офицер. – И тогда, тогда... Господи! Если бы только вы знали, что за жизнь я собираюсь вести!.. О это будет чудесно: во-первых, причуды, всякого рода дурачества и поэзия, утопающая в шампанском; я знаю – вы возопите; но, увы, пора моих грез миновала; нет уже и поры, когда была вера; мне нужны вещественные наслаждения, осязаемое счастье, счастье, за которое платят золотом, счастье, которое носят в кармане как табакерку; счастье, которое обманывает только мои чувства, оставляя душу в покое и бездействии. Вот что мне теперь нужно, и вы видите, дорогой друг, что с тех пор, как мы расстались, я несколько изменился. Когда я увидел, как улетели прекрасные мечты, я сказал себе, что не стоит создавать новые. Куда лучше, думал я, научиться жить без них. Я попробовал; я походил на пьяницу, который мало-помалу старается отвыкнуть от

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

вина! Мои усилия были не напрасны и вскоре в прошлом я видел только программу незначительных и весьма обыденных приключений. Но поговорим о другом. Вы пишете, что князь Т. и ваша сестра, его супруга, остаются весьма довольны друг другом; я не вполне этому верю, так как думаю, что знаю характер обоих; ваша сестра, как кажется, не очень склонна подчиняться, а муж, по-видимому, также не ягненок! Я надеюсь, что это неестественное затишье продолжится как можно дольше, но я не могу предсказать ничего хорошего. Не то, чтобы я находил в вас недостаток проницательности, но мне сдается, что вы не захотели сказать всего, что вы думаете; и это вполне естественно, потому что теперь, если мои предположения верны, вам не придется даже сказать: да. Что поделяете в деревне? Каковы ваши соседи: занимательны ли они, любезны ли, много ли их? Вот вопросы, в которых, как вам покажется, нет никакого серьезного умысла.

Через год может быть приеду с вами повидаться. И какие перемены меня ожидают? Узнаете ли меня и захотите ли узнать? И какую роль буду играть я? Будет ли это для вас приятной минутой или же приведет обоих в замешательство? Ибо, предупреждаю вас, я уже не тот, я и не чувствую, и не говорю как прежде, и бог весть во что превращусь через год. Моя жизнь доселе была целью разочарований, а сейчас они вызывают во мне смех и над собой и над другими, я только слегка коснулся удовольствий жизни, и не насладившись ими, чувствую пресыщение.

Но это очень грустная тема; постараюсь в другой раз к ней не возвращаться. Когда вы вернетесь в Москву, известите меня, дорогой друг... я надеюсь на ваше постоянство; до свиданья.

М. Лер...

P. S. Привет от меня кузине, если вы напишете ей; ведь я слишком ленив, чтобы самому сделать это.

М. Л. Симанской
Петербург, 20 февраля 1834 г.

Ma chère cousine! Je me rends avec extase à votre aimable invitation, et certainement je ne manquerai pas de venir féliciter mon oncle d'abord après dîner, car – pour mon grand désespoir mon cousin Stolipine est mort avant hier, – et je suis sûr que vous ne trouverez pas mal que je me prive du plaisir de vous voir quelques heures plus tôt, pour aller, remplir un devoir aussi triste qu'indispensable. – À vous pour toute la soirée et toute la vie.

М. Л.

Перевод

Дорогая кузина! Я с восхищением принимаю ваше любезное приглашение и конечно не премину прийти поздравить дядю, но только после обеда, потому что, к великому моему отчаянию, мой кузен Столыпин умер позавчера, – и я уверен, что вы не осудите меня за то, что я лишаю себя удовольствия видеть вас на несколько часов раньше, выполняя долг и печальный и необходимый: – преданный вам на весь вечер и на всю жизнь М. Л.

М. А. Лопухиной
S.-Pétersbourg. Le 23 décembre 1834 г.

Chère amie! – quoi qu'il arrive je ne vous nommerai jamais autrement, car ce serait briser le dernier lien qui m'attache encore au passé – et je ne le voudrais pour rien au monde; car mon avenir quoique brillant à l'oeil, est vide et plat; je dois vous avouer que chaque jour je m'aperçois de plus en plus que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux rêves, et mes mauvais essais dans le chemin de la vie... car: ou l'occasion me manque ou l'audace!... on me dit: l'occasion arrivera un jour! l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!.. et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que dieu m'a donnée fort mal à propos? si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait désabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence?..

Je commence ainsi ma lettre par une confession, vraiment sans y penser! – Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon cœur ne l'est pas. La vue seule de votre dernière lettre

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

a déjà été pour moi un reproche – bien mérité certainement; mais que pouvais-je vous écrire? – vous parler de moi? – vraiment je suis tellement blasé sur ma personne[28] que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler: où je l'ai lue!.. et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!.. je vais dans le monde maintenant ... pour me faire connaître, pour prouver que je suis capable de trouver du plaisir dans la bonne société; – ah!!!.. Je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!.. vous supposerez qu'on me renvoie après cela tout de bon... eh bien non, tout au contraire,... les femmes sont ainsi faites; je commence à avoir de l'aplomb avec elles! rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse: je suis toujours empressé et bouillant, avec un cœur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions: n'est-ce pas, j'ai fait du chemin!.. et ne croyez pas que ce soit une fanfaronnade: je le suis maintenant l'homme le plus modeste – et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je dis, parce que ce n'est qu'avec vous que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais votre générosité et votre bon sens je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie qui se glisse dans mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bateau brisé. Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien; vraiment on devrait en écrivant mettre des notes au-dessus des mots; – car maintenant lire une lettre, c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!..

– J'étais à Царское Село lorsque Alexis est arrivé; quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, riant, me serrant les mains l'une l'autre; je suis retourné en un moment à mes joies passées, j'ai sauté deux années terribles, enfin...

Je l'ai trouvé bien changé, votre frère, il est gros, comme j'étais alors, il est rose, – mais toujours sérieux, pausé; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue, – et dieu sait de quoi?

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour m-lle Cathérine Souchkoff... est-ce que vous le savez? – les oncles de mamselle auraient bien voulu les marier!.. Dieu préserve!.. cette femme est une chauve souris, dont les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent! – il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettre, de la voir s'embarrasser dans ses propres filets.

Ecrivez-moi de grâce, chère amie, maintenant que tous nos différens sont réglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse-amitié!..

Je voudrais bien vous revoir encore: au fond de ce désir, pardonnez, il gît une pensée égoïste, c'est que, près de vous, je me retrouverais moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement, riche enfin de tous les biens que les hommes ne peuvent nous ôter, et que dieu m'a ôté. lui! – Adieu, adieu – je voudrais continuer mais je ne puis.

M. Lerma.

– P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi... adieu encore.

Перевод

С.-Петербург, 23 декабря.

Дорогой друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе: это означало бы разрыв последних уз, которые соединяют меня с прошлым, а этого ни за что на

свете я не хотел бы; ибо моя будущность, хотя бы на первый взгляд и блестящая, на самом деле пуста и пошла; я должен вам признаться, что с каждым днем я убеждаюсь всё больше и больше, что из меня ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтами и моими неудачными опытами на жизненном пути... потому что мне не достает или удачи, или смелости!.. Мне говорят: удача со временем придет, опыт и время придадут вам смелости... а почему знать: когда всё это явится, сохранится ли тогда что-нибудь от той пламенной и молодой души, которой бог одарил меня совсем некстати? не иссякнет ли моя воля от долготерпения... и наконец не будет ли окончательно разоблачено в моих глазах всё то, что заставляет нас в жизни двигаться вперед?

Таким образом, я начинаю мое письмо с исповеди, по правде, и не думая об этом! Ну пусть она послужит мне оправданием: вы из нее по крайней мере поймете, что если мой характер несколько изменился, то сердце неизменно. Один вид вашего последнего письма уже явился для меня упреком, конечно вполне заслуженным. Но о чем мог я вам писать? – Говорить вам о себе? Право я так пресыщен своей собственной персоной, что, когда я ловлю себя на том, что восхищаюсь своей мыслью, я стараюсь припомнить, откуда я ее вычитал. И в результате я дошел до того, что перестал читать, чтобы не мыслить... Я бываю теперь в свете... для того, чтобы меня узнали, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хорошем обществе; а!!! Я ухаживаю и вслед за объяснением в любви я говорю дерзости; это еще меня немного забавляет, и хотя это не совсем ново, по крайней мере редко встречается! Вы подумаете, что за это меня попросту выпроваживают... ну нет, совсем наоборот... женщины так созданы; я начинаю держать себя с ними самоувереннее; ничто меня не смущает – ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, а мое сердце довольно холодно; оно бьется только в исключительных случаях: не правда ли, далеко пошел... и не думайте, что это бахвальство: сейчас я самый скромный человек – к тому же я знаю, что это не подымет меня в ваших глазах; но я это говорю потому; что только с вами я отваживаюсь быть откровенным. Это оттого, что вы одна умеете меня жалеть не унижая, ибо я сам себя уже унижаю; если бы мне не были известны ваше великодушие и ваш здравый смысл, я бы не осмелился сказать то, что я сказал. И, может быть, оттого что вы когда-то утешили очень сильное горе, возможно и сейчас вы пожелаете рассеять милыми словами холодную иронию, которая неудержимо проскальзывает мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно. О! как я хотел бы вас снова увидеть, говорить с вами: потому что звук ваших речей доставлял мне облегчение. На самом деле следовало бы в письмах помещать над словами ноты; в настоящее время, когда читаешь письмо, словно смотришь на портрет: нет ни жизни, ни движения; отражение застывшей мысли, нечто такое, в чем чувствуется смерть...

Я был в Царском Селе, когда приехал Алексей; когда я об этом узнал, я от радости чуть не сошел с ума; я вдруг заметил, что говорю сам с собой, смеюсь, потираю руки; вмиг я вернулся к своим минувшим радостям. Двух страшных годов как не бывало...

Я нашел, что ваш брат основательно изменился, он так же толст, каким и я был в прежнее время, румян, но постоянно серьезен и солиден; но всё же мы хохотали как сумасшедшие в вечер нашей встречи, – и бог знает отчего?

Послушайте, мне показалось, что он питает нежность к Екатерине Сушковой... знаете ли вы это? – дядюшки этой девицы хотели бы их повенчать!.. Сохрани боже!.. Эта женщина – летучая мышь, крылья которой цепляются за всё, что попадает на пути! – Было время, когда она мне нравилась. Теперь она меня почти принуждает ухаживать за ней... но я не знаю, есть что-то в ее манерах, в ее голосе такое жесткое, отрывистое, резкое, что отталкивает. Стараясь ей понравиться, испытываешь потребность ее компрометировать, наблюдать, как она запутывается в собственных сетях.

Пожалуйста, дорогой друг, пишите, ведь все наши недоразумения улажены, и у вас нет поводов на меня жаловаться. Я считаю, что я в этом письме был достаточно искренен, покорен, и вы можете забыть преступное оскорбление, нанесенное мной нашей дружбе.

Мне очень хотелось бы вас снова увидеть: в основе этого желания, извините меня, покоится эгоистическая мысль; ибо возле вас я бы мог обрести самого себя, такого, каким я был когда-то – доверчивого, полного любви и преданности, одаренного всеми теми благами, которых люди отнять не могут и которые бог у меня отнял, бог! Прощайте, прощайте – хотел бы продолжить письмо – но не могу. – М.

Лерма.

P. S. Мои приветы всем, кому сочтете нужным их передать от меня... еще раз прощайте.

А. М. Верещагиной
Петербург, весна 1835 г.

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre cœur devenu si dur pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne suis pas encore tout à fait banni de votre souvenir; – autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs (car ici aussi j'ai des cousines) – et la femme la moins aimante (c'est connu) n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle. – Et puis si vous perséverez encore dans is votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou – et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de guerre (vous savez) on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Après cette bravade à la hussard, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires finis, je commence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps, comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis a pu vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant si ce n'est le commencement de mes amourettes avec M-lle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé – avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul: – voilà comment. – J'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piédestal: une fortune, un nom, un titre, une faveur... j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

– La demoiselle S. – voulant m'attraper (mot technique) j'ai compris qu'elle se compromettrait pour moi facilement; – aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible, sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait je tente un coup de main. Avant je devins plus froid aux yeux du monde, et plus tendre avec elle pour faire voir que je ne l'aimais plus, et qu'elle m'adore (ce qui est faux au fond); et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dur et impertinent moqueur et froid avec elle devant le monde, je fis la cour à d'autres et leur racontais (en secret) la partie, favorable à moi, de cette histoire. – Elle fut si confondue de cette conduite inattendue – que d'abord elle ne sut que faire et se résigna – ce qui fit parler et me donna l'air d'avoir fait une conquête entière; puis elle se réveilla – et commença à me gronder partout – mais je l'avais prévenue – et sa haine parut à ses amies (ou ennemies) de l'amour piqué. – Puis elle tenta de me ramener par une feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait – je ne revins pas – et profitai de tout habilement. Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi – ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire: quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraître fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant; – j'écrivis une lettre anonyme; «M-lle: je suis un homme que vous connais et que vous ne connaissez pas, etc... je vous avertis de prendre garde à ce jeune homme; M. L. – il vous seduira – etc ... voilà les preuves (des bêtises) etc...» une lettre sur 4 pages!.. Je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante; orage et tonnerre dans la maison. – Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu. – Le soir à un bal, je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mademoiselle me dit la nouvelle terrible et incompréhensible; et nous faisons des conjectures – je mets tout sur le compte

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

d'ennemis secrets – qui n'existent pas; enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler et danser avec moi, – j'en suis au désespoir, mais je me garde bien, d'enfreindre la défense de la tante et des oncles; – ainsi fut menée cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort bonne opinion de moi. Au surplus les femmes pardonnent toujours le mal qu'on fait à une femme (maximes de La Rochefoucauld). Maintenant je n'écris pas de romans – j'en fais.

Enfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que les coquetteries de m-lle S. m'ont fait verser il y a 5 ans; oh! mais c'est que nos comptes ne sont pas encore réglés: elle a fait souffrir le cœur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer l'amour propre d'une vieille coquette, qui peut-être est encore plus... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi à quelque chose! – oh c'est que je suis bien changé; c'est que, je ne sais pas comment ça se fait, mais chaque jour donne une nouvelle teinte à mon caractère et à ma manière de voir! – ça devait arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que cela arrivât si vite. Oh, chère cousine, il faut vous l'avouer, la cause de ce que je ne vous écrivais plus, à vous et à M-lle Marie, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres que je ne suis presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la vérité, à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse, si beaux – surtout dans le souvenir.

Et pourtant à me voir maintenant on dirait que je suis rajeuni de 3 ans, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content[29] de moi-même et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'extérieur ne vous paraît-il pas étrange? –

Je ne saurais vous dire combien le départ de grand'maman m'afflige, – la perspective de me voir tout-à-fait seul la première fois de ma vie m'effraye; dans toute cette grande ville il ne restera pas un être qui s'intéresse véritablement à moi...

Mais assez parler de ma triste personne – causons de vous et de Moscou. On m'a dit que vous avez beaucoup embelli, et c'est M-me Ouglitzki qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle n'a pas menti, car elle est trop femme pour cela: elle dit encore que la femme de son frère est charmante... en ceci je ne la crois pas tout-à-fait, car elle a intérêt de mentir... ce qui est drôle c'est qu'elle veut se faire malheureuse à tout prix, pour attirer les condoléances de tout le monde, – tandis que je suis sûr qu'il n'y a pas au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans avoir ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passions!.. – et après cela se plaindre? – Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe allait se marier avec M. Bachmétieff; je ne sais pas si je dois trop lui croire – mais en tout cas je souhaite à M-lle Barbe de vivre en paix conjugale jusqu'au célébrément de sa noce d'argent, – et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoûtée!..

Maintenant voici mes nouvelles, Наталья Алексеевна с чады и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!.. elle va donner là bas une fameuse idée de nos dames russes!

Dites à Alexis que sa passion M-lle Ladigenski devient de jour en jour plus formidable!.. je lui conseille aussi d'engraisser encore pour que le contraste ne soit si frappant. Je ne sais pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obtenir ma grâce; ma huitième page va finir et je craindrais d'en commencer une dixième... ainsi donc, chère et cruelle cousine, adieu, et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur, faites le moi savoir, par une lettre de votre domestique, – car je n'ose pas compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met au bas d'une lettre...

vos très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects je vous pris à mes tantes, cousines, et cousins, et connaissances...

Перевод
Дорогая кузина!

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

Я решил уплатить вам долг, который вы не соизволили с меня потребовать, и надеюсь, что это мое великодушие смягчит ваше сердце, столь ожесточившееся на меня с некоторых пор. Я не прошу другого вознаграждения, кроме нескольких капель чернил и двух или трех штрихов пера, которые дали бы знать, что я не совсем еще изгнан из вашей памяти. В противном случае я буду принужден искать утешение в другом месте (ибо здесь у меня также имеются кузины). А женщина, даже наименее любящая (это известно), недолюбливает, когда ищут утешений вдали от нее. Кроме того, если вы будете еще упорствовать в своем молчании, а могу в скором времени приехать в Москву, и тогда мое отмщение не будет иметь границ. На войне (вы знаете) щадят гарнизон, сложивший оружие, но город, взятый штурмом, предается без пощады ярости победителей.

После этой гусарской бравады я падаю к вашим ногам, чтобы вымолить себе прощение в надежде, что вы его мне даруете.

Закончив предварительные переговоры, я начинаю рассказ о том, что со мной случилось за это время, как это делают при свидании после долгой разлуки.

Алексей мог вам рассказать кое-что о моем образе жизни, но ничего интересного, если не считать завязки моих амурных приключений с Сушковой, завязка которых была еще более занимательна и забавна. Я начал ухаживать за ней не потому, что это было отблеском прошлого, – сперва это являлось предлогом для времяпровождения, а затем, когда мы пришли к доброму согласию, сделалось расчетом и вот каким образом. Я увидел, вступая в свет, что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно займутся мной, сначала из любопытства, а потом из соревнования.

Я понял, что С., желая меня словить (технический термин), легко со мной скомпрометирует себя. Поэтому я ее скомпрометировал по мере моих сил, не скомпрометировав одновременно самого себя. Я обращался с ней публично как со своей, давая ей понять, что это единственный способ покорить меня... Когда я увидел, что это мне удалось и что лишний шаг меня погубит, я пошел на смелое предприятие: прежде всего на людях я сделался более холоден, а наедине с ней нежен, чтобы показать, что я ее больше не люблю и что она меня обожает (что, по существу, неверно). Когда она начала это замечать и захотела сбросить ярмо, я первый публично покинул ее. Я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней при людях, я ухаживал за другими и рассказывал им (по секрету) ту часть истории, которая была а мою пользу. Она была так смущена этим неожиданным образом действий, что сначала растерялась и покорилась. Это дало повод к толкам и придало мне вид человека, одержавшего полную победу. Потом она воспрянула и стала повсюду бранить меня. Я же ее предупредил, и ее ненависть показала ее доброжелательницам (или недоброжелательницам) оскорбленной любовью. Потом она попыталась вернуть меня притворной грустью, рассказывая всем моим близким знакомым, что она любит меня. Я не вернулся и воспользовался искусно всем этим. Я не в силах рассказать вам, как всё это обернулось мне на пользу, это было бы слишком длинно и касается людей вам незнакомых. А вот забавная сторона истории: когда я увидел, что следует публично порвать с нею и, однако, наедине с ней казаться верным, я вдруг нашел ошеломительное средство – написал анонимное письмо: «Сударыня, я человек, который вас знает, но вам неизвестен и т. д... предупреждаю, остерегайтесь этой молодого человека. М. Л. – Он вас обольстит – и т. д. – Вот доказательства (глупости) и т. д...». Письмо на четырех страницах! Я ловко направил письмо так, что оно попало прямо в руки тетки. В доме гром и молния! На следующий день я отправляюсь туда рано утром, так чтобы ни в каком случае не быть принятым. Вечером на балу я с удивлением рассказываю всё это Сушковой. Она мне поверяет ужасную и непонятную новость. Мы пускаемся в догадки. Наконец, она говорит, что ее родные запрещают ей разговаривать и танцевать со мной. Я в отчаянии, но я остерегаюсь нарушить запрещение тетки и дядюшек. Так происходило это трогательное приключение, которое, конечно, составит вам обо мне хорошенькое мнение! Впрочем, женщины прощают всегда зло, которое причиняется женщине (афоризм Ларошфуко). Теперь я не пишу романов, – я их делаю.

Итак, вы видите, что я хорошо отомстил за слезы, которые заставило меня проливать кокетство m-lle С. пять лет тому назад. О! Дело в том, что мы не свели еще счетов. Она заставила страдать сердце ребенка, я же подверг пытке самолюбие старой кокетки, которая возможно еще более того..., но тем не менее я в выигрыше – она сослужила мне службу. О! дело в том, что я очень изменился. Я не знаю, как это делается, но каждый день придает новый штрих моему характеру и моим

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
взглядам. Это должно было случиться, я это всегда знал... Но я не думал, что совершится так скоро. О, дорогая кузина, надо признаться вам, что причиной того, что я не писал вам и m-lle Marie, было опасение, что вы по моим письмам заметите, что я почти не достоин более вашей дружбы... потому что от вас обеих я не могу утаить правды – от вас, которые были наперсницами моих юношеских грез, столь прекрасных особенно в воспоминании.

А между тем по моему внешнему виду можно сказать, что я помолодел на 3 года, потому что у меня вид счастливого и беспечного человека, довольного самим собой и всей вселенной. Не кажется ли вам странным этот контраст между душой и наружностью?

Не могу вам выразить, как огорчил меня отъезд бабушки. Перспектива остаться в первый раз в жизни совершенно одному – меня пугает. Во всем большом городе не останется ни единого существа, которое действительно мне сочувствует...

Но довольно говорить о моей жалкой особе – поговорим о вас и о Москве. Мне сообщили, что вы очень похорошели, и говорит это г-жа Углицкая. Я уверен, что только в этом случае она не солгала, потому что она слишком женщина, она говорит также, что жена ее брата очаровательна – этому я не совсем верю, потому что в ее интересах говорить неправду. Но вот что смешно – она во что бы то ни стало старается прикинуться несчастной, чтобы привлечь всеобщее сочувствие, а между тем я уверен, что в мире нет женщины, которая в меньшей степени была бы достойна сожаления... В 32 года иметь такой ребяческий характер и воображать, что способна возбуждать страсти... и после этого жаловаться? Она мне еще передала, что m-lle Varbe выходит замуж за Бахметева. Я не знаю, должен ли я ей вполне верить, но во всяком случае я желаю m-lle Varbe жить в супружеской безмятежности вплоть до празднования своей серебряной свадьбы и даже долее, если она до тех пор не разочаруется!

Теперь вот вам мои новости. Наталья Алексеевна с чады и домочадцы отправляются за границу. Тьфу!.. Ну и хорошее же представление получают там о наших русских дамах!

Скажите Алексею, что его предмет страсти, Ладыженская, день ото дня становится чудовищнее. Я советую ему потолстеть еще больше, чтобы контраст не был столь разителен. Не знаю, явится ли мой способ надоедать вам лучшим средством для получения прощения. Восьмая страница кончается, и я опасаюсь, что начну десятую.

Итак прощайте, дорогая и жестокая кузина, и, если вы в самом деле вернули мне свою благосклонность, сообщите мне это письмом вашего лакея, ибо я не смею надеяться на собственноручную записку вашу.

Имею честь быть тем, что помещают внизу письма...

Ваш покорный М. Лермонтов.

P. S. Прошу вас, передайте приветы моим теткам, кузинам, кузенам и знакомым...

А. М. Гедеонову
Петербург, около 20 декабря 1835 г.

Милостивый Государь,
Александр Михайлович,

Возвращенную цензурою мою пьесу «Маскерад» я пополнил четвертым актом, с которым, надеюсь, будет одобрена цензором; а как она еще прежде представления Вам подарена мною г-ну Раевскому, то и новый акт передан ему же для представления цензуре.

Отъезжая на несколько времени из Петербурга, я вновь покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать моему труду высокое внимание Ваше.

С отличным почтением и преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

М. Лермантов.

С. А. Раевскому
Тарханы, 16-го января 1836 г.

Любезный Святослав!

Мне очень жаль, что ты до сих пор ленишься меня уведомить о том, что ты делаешь, и что делается в Петербурге. Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь), у бабушки, слушаю, как под окном воет метель (здесь всё время ужасные, снег в сажень глубины, лошади вязнут и ... и соседи оставляют друг друга в покое, что, в скобках, весьма приятно), ем за десятерых, ... не могу, потому что девки воняют, пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве. – О Москва, Москва, столица наших предков, златоглавая царица России великой, малой, белой, черной, красной, всех цветов, Москва, ... преподло со мною поступила. Надо тебе объяснить сначала, что я влюблен. И что же я этим выиграл? – Один ... Правда, сердце мое осталось покорно рассудку, но в другом не менее важном члене тела происходит гибельное восстание. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положение и как друг, верно, пожалеешь, а может быть, и позавидуешь, ибо всё то хорошо, чего у нас нет, от этого, верно, и ... нам нравится. Вот самая деревенская философия!

Я опасаясь, что моего «Арбенина» снова не пропустили, и этой мысли подало повод твое молчание. Но об этом будет!

Также я боюсь, что лошадой моих не продали и что они тебя затрудняют. Если бы ты об этом раньше написал, то я бы прислал денег для прокормления их и людей, и потом если они не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намереваюсь. Пожалуйста, отвечай, как получишь.

Объявляю тебе еще новость: летом бабушка переезжает жить в Петербург, т. е. в июне месяце. Я ее уговорил потому, что она совсем истерзалась, а денег же теперь много, но я тебе объявляю, что мы всё-таки не расстанемся.

Я тебе не описываю своего похождения в Москве в наказание за твою излишнюю скромность, – и хорошо, что вспомнил об наказании – сейчас кончу письмо (ты видишь из этого, как я еще добр и великодушен).

М. Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой
Царское Село, конец марта-первая половина апреля 1836 г.

Милая бабушка.

Так как время вашего приезда подходит, то я уже ищу квартиру, и карету видел да высока; Прасковья Николавна Ахвердова в мае сдает свой дом, кажется, что будет для нас годиться, только всё далеко. – Лошади мои вышли, башкирки, так сносны, что чуда, до Петербурга скачу – а приеду, они и не вспотели; а большими парой, особенно одной все любят, – они так выправились, что ожидать нельзя было. – Лошадь у генерала я еще не купил, а уже говорил ему об этом, и он согласен. Посылаю вам в оригинале письмо Григорья Васильевича, и я буду дожидаться вашего письма, что ему отвечать; признаюсь вам я без этого не знал бы, что и писать ему, – как вы рассудите: я боюсь наделать глупостей. – Скоро государь, говорят, переезжает в Царское Село – и нам начнется большая служба, и теперь я больше живу в Царском, в Петербурге нечего делать, – я там уж полторы недели не был; всё по службе идет хорошо – и я начинаю приучаться к царскосельской жизни.

Пожалуйста, растолкуйте мне, что отвечать Григорью Васильевичу.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны на мой счет, а я, будьте уверены, всё сделаю, чтоб продолжать это спокойствие. Целую ваши ручки и прошу вашего благословения.

Покорный внук

М. Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Петербург, вторая половина апреля 1836 г.

Милая бабушка,

На днях Марья Акимовна уехала, – я узнал об ее отъезде в Царском, – приехал в город на один вечер, был у нее, но не застал, и потому не писал с нею, – вы верно получите мое письмо прежде ее приезда, то и не будете беспокоиться, что я с нею не пишу к вам.

Я на днях купил лошадь у генерала и прошу вас если есть деньги прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше, – а цена эта не велика.

Насчет квартиры я еще не решился, но есть несколько на примете; в начале мая они будут дешевле по причине отъезда многих на дачу. Я вам кажется писал, что Лизавета Аркадьевна едет нынче весной с Натальей Алексеевной в чужие края на год; теперь это мода, как было некогда в Англии; в Москве около двадцати семейств собираются на будущий год в чужие края; пожалуйста, бабушка, не мешкайте отъездом: вы, я думаю, получили письмо мое, с которым я посылаю письмо Григорья Васильевича – пожалуйста объясните мне, что мне лучше ему писать.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословения целую ваши ручки и остаюсь покорный внук.

М. Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой
Царское Село, конец апреля – начало мая 1836 г.

Милая бабушка,

Полагая, что вы уже в дороге, пишу к вам в Москву; последнее мое письмо от 25-го апреля, я думаю, вас не застанет в деревне, судя по тому, как вы хотели выехать, и к тому ж Андрей получил письмо от жены, где она пишет, что вы думали выехать 20-го апреля, также и то, что не получаю от вас писем, заставляет меня думать, что вы уже в дороге. Также я думаю, милая бабушка, что вы не получили моего письма, где я писал вам о письмах ко мне Григорья Васильевича, – и я всё еще жду вашего разрешения, если вы получили. – Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя Шаховского, за 2000 рублей – все говорят, что недорого, смотря по числу комнат. – Карета также ждет вас... а мы теперь все живем в Царском; государь и великий князь здесь; каждый день ученье, иногда два.

Ожидаю от вас письма, милая бабушка, оно разрешит мое недоумение.

Прощайте. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермантов.

С. А. Раевскому
Петербург, 27 февраля 1837 г.

Милый мой друг Раевский.

Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что я виной твоего несчастья, что ты, желая мне же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельт говорит, что Клейнмихель тоже виноват... Я сначала говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать – но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!.. Я к тебе заеду непременно. Сожги эту записку.

Твой – М. Л.

С. А. Раевскому
Петербург, первые числа марта 1837 г.

Любезный друг.

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

Я видел нынче Краевского; он был у меня и рассказывал мне, что знает про твое дело. Будь уверен, что всё, что бабушка может, она сделает... Я теперь почти здоров – нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будет с твоей хандрой? Если б я мог только с тобой видеться. Как только позволят мне выезжать, то вторично приступлю к коменданту. Авось, позволит проститься. – Прощай, твой навеки М. Л.

С. А. Раевскому
Петербург, первая половина марта 1837 г.

Любезный друг Святослав.

Ты не можешь вообразить, как ты меня обрадовал своим письмом. У меня было на совести твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай бог, чтоб твои надежды сбылись. Бабушка хлопочет у Дубельта и Афанасий Алексеевич также. Что до меня касается, то я заказал обмундировку и скоро еду. Мне комендант, я думаю, позволит с тобой видеться – иначе же я и так приеду. Сегодня мне прислали сказать, чтоб я не выезжал, пока не явлюсь к Клейнмихелю, ибо он теперь и мой начальник Я сегодня был у Афанасья Алексеевича, и он меня просил не рисковать без позволения коменданта – и сам хочет просить об этом. Если не позволит, то я всё приеду. Что Краевский, на меня пеняет за то, что и ты пострадал за меня? – Мне иногда кажется, что весь мир на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то право, меня бы огорчило... Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес – восток. Меня утешают слова Наполеона: *Les grands noms se font à l'Orient.* [30] Видишь: всё глупости. Прощай, твой навсегда

М. Lerma.

М. А. Лопухиной
31-го мая 1837 г.

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie ainsi qu'à madame votre sœur les souliers circassiens que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver; je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe à vos trousses, elle vous attrapera peut être à Londres, à Paris, à Naples, que sais-je, – et toujours dans des endroits où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi dieu la garde et moi aussi. – J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore, au moment où j'écris cette lettre, je m'arrête quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants, tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances je tâche de n'en pas faire du tout; je rôde chaque jour sur la montagne, ce qui seul a rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais que marcher; ni la chaleur ni la pluie ne m'arrêtent... Voici à peu près mon genre de vie, chère amie, ce n'est pas fort beau, mais... – dès que je serai guéri j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens, quand l'empereur sera ici...

– Adieu, chère, je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris et à Berlin. – Alexis a-t-il reçu sa permission; – embrassez le de ma part – adieu.

Tout à vous M. Lermontoff.

P. S. De grâce, écrivez-moi – et dites si les souliers vous ont plu.

Перевод

Я в точности выполняю свое обещание, дорогой и добрый друг, и посылаю вам и сестре вашей черкесские башмаки, какие обещал: тут их шесть пар, так что вы можете легко поделиться без споров. Купил я их сразу, как только удалось найти; я теперь на водах, пью и принимаю ванны, в общем живу совсем как утка. Дай бог, чтобы мое письмо застало вас в Москве, ибо если оно начнет путешествовать в Европе по вашим пятам, оно вас настигнет быть может в Лондоне, Париже, в Неаполе, как знать, – во всяком случае в таких местах, где оно будет для вас наименее интересным предметом, а от этого спаси его бог, да и меня тоже. – У меня здесь очень славная квартира; из моего окна я вижу каждое утро всю цепь

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
снеговых гор и Эльбрус. И, сейчас, покуда пишу это письмо, я иногда останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны. Я надеюсь порядком проскучать в течение всего того времени, которое проведу на водах, и хотя очень легко заводить знакомства, я стараюсь этого совсем не делать. Я каждый день брожу по горам, и только это укрепило мои ноги; я только и делаю, что хожу; ни жара, ни дождь меня не останавливают... Вот приблизительно мой образ жизни, дорогой друг; это не так уж прекрасно, но... – как только я выздоровлю, я отправлюсь в осеннюю экспедицию против черкесов в ту пору, когда здесь будет император.

Прощайте, дорогая, я желаю вам побольше веселиться в Париже и в Берлине. Получил ли Алексей отпуск? Поцелуйте его за меня. Прощайте. Весь ваш М. Лермонтов.

P. S. Пожалуйста, пишите мне и сообщите, понравились ли вам башмаки.

Е. А. Арсеньевой
Пятигорск 18 июля 1837 г.

Милая бабушка! пишу к вам по тяжелой почте, потому что третьего дня по эстра-почте не успел, ибо ездил на железные воды и, виноват, совсем забыл, что там письма не принимают; боюсь, чтобы вы не стали беспокоиться, что одну почту нет письма. Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию; итак, прошу вас милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите к нему: он обещался мне доставлять их туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщение сюда очень трудно, и почта не ходит, а деньги с нарочными отправляют. От Алексея Аркадича я получил известия; он здоров, и некоторые офицеры, которые оттуда сюда приехали, мне говорили, что его можно считать лучшим офицером из гвардейских, присланных на Кавказ. То, что вы мне пишете об Гвоздеве, меня не очень удивило; я, уезжая, ему предсказывал, что он будет юнкером у меня во взводе; а впрочем, жаль его.

Здесь погода ужасная: дожди, ветры, туманы; июль хуже петербургского сентября; так что я остановился брать ванны и пить воды до хороших дней. Впрочем, я думаю, что не возобновлю, потому что здоров как нельзя лучше. Для отправления в отряд мне надо будет сделать много покупок, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича, то пожалуйста пришлите мне денег, милая бабушка; на прожитые здесь мне достанет; а если вы пришлете поздно, то в Анапу трудно доставить. – Прощайте, милая бабушка, целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь вам вечно привязанный к вам и покорный внук Михаил.

Пуще всего не беспокойтесь обо мне; бог даст, мы скоро увидимся.

С. А. Раевскому
Тифлис, вторая половина ноября–начало декабря 1837 г.

Любезный друг Святослав!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки.

Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии.

С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить – в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то приехав на место, греюсь... – Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела; зато два

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и Черкес (мирный, разумеется), – и чуть не попались шайке Лезгин. – Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! – Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к чёрту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, – да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не забудь меня, и верь всё-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал.

Вечно тебе преданный М. Лермонтов.

П. И. Петрову
Петербург, 1 февраля 1838 г.

Любезный дядюшка

Павел Иванович.

Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благославил во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний.

Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундирываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород.

Ваше письмо я отдал в руки дядюшке Афанасью Алексеевичу, которого нашел в Москве. – Я в восторге, что могу похвастаться своею аккуратностью перед вами, которые видели столько раз во мне противное качество или порок, как угодно.

Боюсь, что письмо мое не застанет вас в Ставрополе, но, не зная, как вам адресовать в Москву, пускаюсь на удалую, и великий пророк да направит стопы почтальона.

С искреннейшею благодарностию за все ваши попечения о моем ветреном существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 руб., которые вы мне одолжили.

Пожалуйста, любезный дядюшка, скажите милым кузинам, что я целую у них ручки и прошу меня не забывать,

– остаюсь всей душою преданный вам

М. Лермонтов.

М. А. Лопухиной
15 Février 1838 г.

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod; j'attendais jusqu'à présent qu'il m'arrivât quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu; et je me décide à vous écrire que je m'ennuie à la mort; les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir – des présentations,

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
des visites de cérémonie – vous savez, puis je suis allé chaque jour au spectacle: – il est fort bien c'est vrai, mais j'en suis déjà dégoûté; et puis on me persécute: tous les chers parents! – on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. – Enfin je suis passablement découragé, et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite, pour aller n'importe où, que ce soit au régiment ou au diable; j'aurai au moins alors un prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire; on dirait que vous faites la fière; – pour Alexis cela ne m'étonne pas, car il va se marier un de ces jours ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son cœur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou, – mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui envoie deux:

1) В С.-Петербург: у Пантелеймоновского моста на Фонтанке, против Летнего сада, в доме Венецкой.

2) В Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений в штаб Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on a à faire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez – moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! si je vous le dis c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. – Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires – des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions, – c'est quelque chose d'odieux, pour moi surtout qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare, ou très peu causante (celle des géorgiennes par exemple, car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère Marie, écrivez-moi un peu, sacrifiez-vous, – écrivez-moi toujours, et ne faites pas de ces petites cérémonies – vous devez être au-dessus de cela! – car enfin si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire! – deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky, et lui ai porté Тамбовскую казначейшу qu'il m'avait demandé, et qu'il porta à Wiazemsky pour lire ensemble; cela leur a beaucoup plu, – et cela sera inséré au prochain numero du Современник.

Grand'maman espère que je serai bientôt passé au husard de Царское Село, mais c'est parce que on le lui a fait espérer, dieu sait avec quel motif – et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé: quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage, et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, – mais cela ne prouve rien du tout.

МОЛИТВА СТРАННИКА

Я, мать божия, ныне с молитвою,
Пред твоим образом, – ярким сиянием, –
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием;

—
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного:
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

—
Окружи счастием счастья достойную,

Дай ты ей спутников полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную, –
Сердцу незлобному мир упования;

—
Срок ли приблизится часу прощальному,
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Adieu, chère amie – embrassez Алексия, et dites lui que c'est une honte, – et dites le aussi à mademoiselle Marie Lapouchine. –

Лерма.

Перевод
15 февраля

Пишу вам, дорогой друг, накануне своего отъезда в Новгород. Я до сих пор всё ждал, что со мной приключится что-нибудь приятное, о чем можно сообщить вам, но ничего такого не произошло. И я решаюсь написать вам, что мне до смерти скучно. Первые дни своего приезда, вы знаете, я без отдыха представлялся, совершал парадные визиты, затем я каждый день ходил в театр. Он, правда, не плох, но мне он уже надоел. И вдобавок меня преследуют все мои милые родственники. Не хотят, чтобы я бросал службу, хотя я мог бы уже это сделать, так как те господа которые вместе со мной поступили в гвардию, уже вышли в отставку. Наконец, я изрядно пришел в отчаяние, и я даже желаю как можно скорее покинуть Петербург, чтобы отправиться, куда придется, хотя бы даже в полк или к чёрту. Тогда по крайней мере буду иметь предлог для того, чтобы плакаться, а это своего рода утешение.

С вашей стороны не очень красиво, что вы всегда ждете от меня письма, чтобы мне написать. Можно сказать, что вы стали гордячкой. Алексей в этом отношении меня не удивляет, потому что он собирается жениться на этих днях, как об этом говорят здесь, на какой-то богатой купчихе. Понятно, у меня не может быть надежды жениться в его сердце такое же место, какое заняла эта толстая оптовая торговка. Он обещал написать мне через два дня после моего отъезда из Москвы; возможно он забыл мой адрес. Поэтому я ему посылаю два:

1) в С.-Петербур. у Пантелеймоновского моста на Фонтанке, против Летнего сада, в доме Венецкой.

2) в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в штаб лейб-гвардии Гродненского гусарского полка оба адреса написаны по-русски.

Если после этого он мне не напишет, я прокляну и его самого и его толстую оптовую торговку. Я уже тружусь над составлением формулы моего проклятия. Боже! Как это хлопотно иметь друзей, которые собираются жениться!

Приехав сюда, я обнаружил дома пропасть сплетен. Я навел порядок, сколько это возможно, когда имеешь дело с тремя или четырьмя женщинами, которые не внимают доводам рассудка. Простите, что я так говорю о вашем прекрасном поле. Но увы! Если я вам об этом говорю, то это уже доказательство, что я считаю вас исключением. Наконец, когда я приезжаю домой, я только и слышу истории, истории – жалобы, упреки, предположения, заключения. Это отвратительно, особенно для меня, потому что я утратил к этому привычку на Кавказе, где дамское общество встречается очень редко, либо оно не склонно к беседе (как, например, грузинки, поскольку они не говорят по-русски, а я по-грузински).

Я вас прошу, дорогая Мария, пишите мне немного, пожертвуйте собой, пишите мне постоянно, не разводите мелочных церемоний – вы должны быть выше всего этого. На самом деле, если я иногда и задерживаюсь с ответом, то оттого, что или мне нечего было сказать или я очень занят – оба оправдания веские.

Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Тамбовскую казначейшу» два последних слова написаны по-русски), которую он просил; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере Современника последнее слово написано по-русски.

Бабушка надеется, что я скоро буду переведен к царскосельским гусарам, потому что бог знает по какой причине ей внушили эту надежду. Вот потому она не дает

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
согласия на мою отставку. Сам-то я ни на что не надеюсь.

В завершение моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл – но это вовсе ничего не доказывает.

МОЛИТВА СТРАННИКА

Я, мать божия, ныне с молитвою..

Прощайте, дорогой друг – поцелуйте Алексея последнее слово – по-русски и скажите, что ему стыдно. Это же скажите также и m-lle Marie Лопухиной.

Лерма.

С. А. Раевскому
Июня 8 дня 1838 г.

Любезный друг Святослав,

Твое последнее письмо огорчило меня: ты сам знаешь почему; но я тебя от души прощаю, зная твои расстроенные нервы. Как мог ты думать, чтоб я шутил твоим спокойствием или говорил такие вещи, чтобы отвязаться. Главное то, что я совсем этого не говорил или пусть говорил, да не про то. Я сказал, что отзыв непокорен к начальству повредит тебе тогда, когда ты еще здесь сидел под арестом и что без этого ты, может быть, остался бы здесь.

Я слышал здесь, что ты просился к водам, и что просьба препровождена к военному министру; но резолюции не знаю; если ты поедешь, то, пожалуйста, напиши, куда и когда. Я здесь по-прежнему скучаю; как быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю покойная, потому что ученье и маневры производят только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно.

Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины.

Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее. Не знаю, как у вас, а здесь мне после Кавказа всё холодно, когда другим жарко, а уж здоровее того, как я теперь, кажется, быть невозможно. О Юрьеве скажу тебе: вообрази, влюбился в актрису, вышел в отставку, живет у Балабина, табак и чай уж в долг не дают и 30.000 долгу, и вон из города не выпускают, – видишь: у всякого свои несчастья.

Прощай, любезный друг, и прошу тебя, будь уверен во мне и думай, что я никогда не скажу и не сделаю ничего тебе огорчительного. Прощай, милый друг, бабушка также к тебе пишет.

М. Лермонтов.

М. А. Лопухиной
Конец 1838 г.

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les vôtres; aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre: il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous; mais vous vous tromperez. Je sais que vous êtes persuadée que vos lettres me font un grand plaisir puisque vous employez le silence comme punition; mais je ne mérite pas cette punition car j'ai constamment pensé à vous, preuve: j'ai demandé un semestre d'un an, – refusé, de 28 jours – refusé, de 14 jours – le grand duc a refusé de même; tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir; je ferai encore une tentative – dieu veuille qu'elle réussisse. – Il faut vous dire que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez quand vous saurez que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le grand-monde: pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. – Tout ce monde[31] que j'ai injurié dans mes vers se plaint à m'entourer de flatteries; les plus

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent comme d'un triomphe. – Néanmoins je m'ennuie. – J'ai demandé d'aller au Caucase – refusé. – On ne veut pas même me laisser tuer. Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraîtront-elles pas de bonne foi? – peut-être vous paraîtra-t-il étrange qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons quand on n'y trouve rien d'intéressant? – eh bien je vous dirai mon motif: vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour-propre: il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société comme novice, je n'y suis pas parvenu; les portes aristocratiques se sont fermées pour moi: et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité; on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes qui tiennent à avoir un salon remarquable veulent m'avoir, car je suis aussi un lion, oui, moi – votre Michel, bon garçon, auquel vous n'avez jamais cru une crinière. – Convenez que tout cela peut énivrer. Heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver tout cela par trop insupportable: mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu'elle m'a donné des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera) j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicules. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle comme avec ma conscience, et puis c'est si doux[32] de rire sous cape des choses brigüées[33] et enviées par les sots, avec quelqu'un, on le sait, est toujours prêt à partager vos sentiments; c'est vous que je parle, chère amie, je vous le répète, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'écrirez n'est ce pas? – je suis sûr que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave? – êtes-vous malade? y a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine[34] prochaine j'attends votre réponse, qui j'espère sera non moins longue que ma lettre, et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage.

Adieu, chère amie, peut-être si dieu veut me récompenser je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié. –

Tout à vous

M. Lermontoff.

Перевод

Уже давно, дорогой и добрый друг, я вам не писал, и вы мне не подавали никаких вестей ни о своей собственной дорогой особе, ни о всех ваших. Поэтому я питаю надежду, что ваш ответ на это письмо не заставит себя долго ждать. Вы скажете, что эта фраза звучит самоуверенно, но вы ошибаетесь. Я знаю, вы убеждены, что ваши письма доставляют мне много радости, раз вы применяете молчание как наказание. Но я не заслуживаю этого наказания, потому что я постоянно думал о вас. Вот доказательство: просил годичный отпуск – отказано, на месяц – отказано, на две недели – великий князь также отказал. Всё это время я пребывал в надежде, что увижу вас. Я сделаю еще попытку – дай бог, чтобы она удалась. Надо вам сказать, что я самый несчастный из людей, и вы мне поверите, узнав, что я ежедневно посещаю балы я кинулся в большой свет. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части. Это по крайней мере откровенно. Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью; самые красивые женщины выпрашивают у меня стихи и хвалятся ими как величайшей победой. – Тем не менее я скучаю. Я просился на Кавказ – отказали. Не желают даже, чтобы меня убили. Может быть, дорогой друг, эти жалобы не покажутся вам искренними? Может быть вам покажется странным, что ищут удовольствий ради скуки, что бегают по гостиним, когда там не находят ничего интересного? Ну хорошо, я открою вам свои соображения – Вы знаете мой самый главный недостаток – тщеславие и самолюбие. Было время, когда я стремился быть принятым в это общество в качестве новобранца. Это мне не удалось, аристократические двери для меня закрылись. А теперь в это же самое общество я вхож уже не как проситель, а как человек, который завоевал свои права. Я возбуждаю любопытство, меня домогаются, меня всюду приглашают, а я и виду не подаю, что этого желаю; дамы, которые

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
обязательно хотят иметь из ряда выдающийся салон, желают, чтобы я бывал у них, потому что я тоже лев, да, я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы никогда не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может вскружить голову. К счастью, моя природная лень берет верх – и мало-помалу я начинаю находить всё это крайне несносным. Но этот новый опыт принес мне пользу, потому что дал мне в руки оружие против общества, и, если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой (а это случится), у меня будут по крайней мере средства мщения; несомненно нигде нет столько подлостей и смешного. Я убежден, что вы никому не расскажите про мое хвастовство, ибо меня сочтут более смешным, чем кого-либо; с вами же я говорю как с своей совестью и потом [я знаю] это так приятно посмеяться исподтишка над тем, к чему стремятся и чему завидуют дураки – с человеком, о котором знаешь, что он всегда готов разделить твои чувства. Это я говорю о вас, дорогой друг, я повторяю это, потому что всё это место моего письма несколько неясно.

Но вы мне напишете, не правда ли? – Я уверен, что вы мне не писали по какой-то серьезной причине? Не больны ли вы? Может быть, болен кто-нибудь в вашей семье? Боюсь, что это так.

Мне передавали что-то в этом роде. На будущей неделе жду вашего ответа, который, надеюсь, не уступит по длине моему письму, но будет несомненно лучше написан, ибо я побаиваюсь, что вы не сможете разобрать эту пачкотню.

Прощайте, дорогой друг, если богу угодно меня вознаградить – я добьюсь отпуска и тогда, я уверен, получу ответ, какой бы он ни был.

Передайте от меня привет тем, кто меня не забыл. Весь ваш М. Лермонтов.

А. П. Шувалову
Весна 1838–весна 1840 г.

Cher comte!

Faites moi le plaisir de me prêter votre chien Mongo pour perpétuer une race que je lui dois déjà; vous m'obligerez infiniment.

Votre Tout Devoué Lermontoff:

Перевод
Дорогой граф,

Сделайте мне удовольствие, ссудите мне вашего пса Монго, чтобы увековечить породу, которой он меня уже одолжил.

Вы меня обяжете чрезвычайно преданный Вам

Лермонтов.

А. А. Лопухину
Петербург, конец февраля – первая половина марта 1839 г.

Милый Алексис.

Я был болен и оттого долго тебе не отвечал и не поздравлял тебя, но верь мне, что я искренно радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашел, кажется, именно ту узкую дорожку, через которую я перепрыгнул и отправился целиком. Ты дошел до цели, а я никогда не дойду: засяду где-нибудь в яме, и поминай как звали, да еще будут ли поминать? Я похож на человека, который хотел отведать от всех блюд разом, сытым не наелся, а получил индигестию, которая, вдобавок, к несчастью, разрешается стихами. Кстати о стихах; я исполнил обещание и написал их твоему наследнику, они самые нравоучительные (*à l'usage des enfants*). [35]

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин;

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен,
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!
Je désire que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet...[36]

Увы! каламбур лучше стихов! Ну да всё равно! Если он вышел из пустой головы, то, по крайней мере, стихи из полного сердца. Тот, кто играет словами, не всегда играет чувствами, [37] и ты можешь быть уверен, дорогой Алексис, что я так рад за тебя, что завтра же начну сочинять новую арию для твоего маленького крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый друг, еще тотчас, что у вас делается; я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней – не пустили! Что, брат, делать! Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет – надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом.

.

А. И. Тургеневу
Петербург, вторая половина декабря 1839 г.

Милостивый Государь

Александр Иванович!

Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне вчера говорили, для известного употребления, если будет такова ваша милость.

... «Его убийца хладнокровно
Навел удар – спасенья нет!
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво? – из далёка,
Подобный сотне беглецов,
На ловлю денег и чинов,
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Чужой земли язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый
На что он руку поднимал!»
За сим остаюсь навсегда вам преданный и благодарный

Лермонтов

К. Ф. Опочинину
Петербург или Царское село, январь–начало марта 1840 г.

O! cher et aimable M-r Opotchinine! Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles. Et à l'heure, au moment où vous lirez ce billet, je ne serai plus.

. (tournez) à Pétersbourg. Car je monte la garde. Et or (style biblique et naïf) croyez à mes regrets sincères de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous

Lermontoff.

Перевод

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

О, милый и любезный Опочинин! И вчера вечером, когда я возвратился от вас, мне сообщили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. И сейчас в то время, когда вы будете читать эту записку, меня не будет. и (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. И вот (стиль библейский и простодушный), поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог вас навестить.

И весь ваш Лермонтов.

Н. Ф. Плаутину
Начало марта 1840 г.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Получив от Вашего Превосходительства приказание объяснить вам обстоятельства поединка моего с господином Барантом, честь имею донести вашему Превосходительству, что 16-го февраля на бале у графини Лаваль господин Барант стал требовать у меня объяснения насчет будто мною сказанного; я отвечал, что всё ему переданное несправедливо, но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такой же колкостью, на что он сказал, что если б находился в своем отечестве, то знал бы как кончить дело; тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, мы условились и расстались. 18-го числа в воскресенье в 12 часов утра съехались мы за Черною речкой на Парголовской дороге. Его секундантом был француз, которого имени я не помню, и которого никогда до сего не видал. Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону. После сего он подал мне руку, и мы разошлись.

Вот, Ваше Превосходительство, подробный отчет всего случившегося между нами.

С истинною преданностию честь имею пребыть

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Михайла Лермонтов.

С. А. Соболевскому
Петербург, середина марта 1840 г.

Je suis bien fâché, mon cher Sobolevsky, de ne pouvoir profiter aujourd'hui de votre invitation, société et roastbeaf; j'espère que vous me pardonnerez de vous faire faux bond en faveur de ma position actuelle qui n'est rien moins qu'indépendante.

Tout à vous

Lermontoff.

Перевод

Я очень огорчен, дорогой Соболевский, что не могу сегодня воспользоваться вашим приглашением, обществом и ростбифом; надеюсь, что вы простите мне мою измену в связи с моим теперешним положением, которое от меня никак не зависит.

Весь ваш

Лермонтов.

С. А. Соболевскому
Петербург, конец марта–середина апреля 1840 г.

Любезный Signor Соболевский, пришли мне пожалуйста с сим кучером sous les tilleuls, [38] да заходи потом сам, если успеешь; я в ордонанс гаузе, наверху в

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
особенной квартире; надо только спросить плац-майора.

Твой Лермонтов.

А. И. Философову
Петербург, середина апреля 1840 г.

Cher oncle, je prends la liberté de vous supplier d'intercéder pour moi dans une affaire que vous seul pouvez arranger, et je suis sûr que vous ne me refuserez pas votre protection. Grand'maman est dangereusement malade, tellement qu'elle n'a pas pu même me l'écrire, le domestique est venu me chercher croyant que j'étais déjà libéré. J'ai demandé au commandant quelques heures seulement pour aller la voir, j'ai écrit au général mais comme cela dépend du Monseigneur, il n'ont rien pu faire.

Ayez pitié de Grand'maman, si ce n'est de moi, et obtenez un jour pour moi car le temps presse...

Je n'ai pas besoin de vous parler de ma reconnaissance et de mon chagrin, car votre coeur me comprendra complètement

Je suis votre tout dévoué

M. Lermontoff.

Перевод

Дорогой дядя, осмеливаюсь умолять вас ходатайствовать обо мне в деле, которое вы один можете устроить, и я уверен, что вы не откажете мне в вашем покровительстве. Бабушка опасно больна, настолько, что не смогла даже написать мне об этом; слуга пришел за мною, думая, что я уже освобожден. Я просил у коменданта всего несколько часов, чтобы навестить ее, писал генералу, но так как это зависит от его высочества, они ничего не могли сделать.

Пожалейте если не меня, то бабушку, и добейтесь для меня одного дня, ибо время не терпит.

Мне нет нужды говорить вам о моей признательности и моем горе, так как ваше сердце вполне поймет меня.

Преданный вам всецело

M. Лермонтов.

В. Кн. Михаилу Павловичу
Петербург, 20–27 апреля 1840 г.

Ваше Императорское Высочество!

Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но получив приказание явиться к Господину Генерал-Адъютанту Графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью. Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество может быть разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушие и справедливость Вашу, и будучи уже не раз благодетельствован Вами и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта: я не предполагал этого, не имел этого намерения; но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо сказав, что выстрелил на воздух, я сказал

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru

истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин, подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я однако осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить внимание на горестное мое положение и заступлением Вашим восстановить мое доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем

С благоговейною преданностию имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества

Всепреданнейший

Михаил Лермонтов

Тенгинского пехотного полка поручик.

А. А. Вадковской
Москва, май 1840 г.

Je vous remercie bien pour l'adresse de cette maison qui me sera éternellement chère et je me recommande au souvenir de mon aimable cousine en la suppliant de me donner la mazurka.

Votre bien dévoué

Lermontoff.

Перевод

Очень признателен вам за адрес того дома, который вечно будет мне дорог, и умоляю милую кузину не забыть меня и оставить за мной мазурку.

Ваш преданный

Лермонтов

А. А. Лопухину
Ставрополь, 17 июня 1840 г.

О, милый Алексис!

Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь, прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индийских петухов, так, авось, это его испугает. Я здесь, в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию и который вздыхает по графине Зубовой, о чем прошу ей всеподданнейше донести. И мы оба так вздыхаем, что кишочки наши чересчур наполнились воздухом, отчего происходят разные приятные звуки... Я здесь от жару так слаб, что едва держу перо. Дорогой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за феатр! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену – и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад – ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо – ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево – и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте вскочил и хотел продолжать бой и что же! о ужас! на голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую. В продолжение этой потехи я всё ждал, что будет? – Так-то, мой милый Алеша! – Но здесь в Ставрополе таких удовольствий нет; зато ужасно жарко. Вероятно письмо мое тебя найдет в Сокольниках. Между прочим, прощай: ужасно я

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
устал и слаб. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадежен.
Ужасно устал... жарко... уф! –

Лермонтов.

А. А. Лопухину
Пятигорск, 12 сентября 1840 года.

Мой милый Алеша.

Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. У нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, – кажется хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные – только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылез из почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Голофеева, на левый фланг. Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь – в Ставрополь, на Черное море или в Тифлис. Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными. Только скучно то, что либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет, – именно что со мною теперь. Я прожил всё, а из дому не присылают. Не знаю, почему от бабушки ни одного письма. Не знаю, где она, в деревне или в Петербурге. Напиши, пожалуйста, видел ли ты ее в Москве. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов.

А. А. Лопухину
Крепость Грозная, 16–26 октября 1840 г.

Милый Алеша.

Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков – разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законом. Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена... Сделай одолжение, пиши ко мне как можно больше. Прощай, будь здоров с чадами и домочадцами и поцелуй за меня ручку у своей сожительницы.

Твой Лермонтов.

Д. С. Бибикову
Петербург, вторая половина февраля 1841 г.

Милый Биби.

Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясняю тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моем, а мне дали отпуск; но я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук.

Я был намерен у твоих, и они все жалуются, что ты не пишешь; и, взяв это в рассмотрение, я уже не смею тебя упрекать. Мещеринов, верно, прежде меня приедет в Ставрополь, ибо[39] я не намерен очень торопиться; итак, не продавай удивительного лова, ни кровати, ни седел; верно отряд не выступит прежде 20 апреля, а я к тому времени непременно буду. Покупаю для общего нашего обихода Лафатера и Галя и множество других книг.

Прощай, мой милый, будь здоров.

Твой Лермонтов.

А. А. Краевскому
Петербург, 13-14 апреля 1841 г.

Любезный Андрей Александрович.

Очень жалею, что не застал уже тебя у Одоевского и не мог таким образом с тобою проститься; сделай одолжение, отдай подателю сего письма для меня два билета на «Отечественные Записки». Это для бабушки моей.

Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой
Москва, 19 апреля 1841 г.

Милая бабушка,

Жду с нетерпением письма от вас с каким-нибудь известием; я в Москве пробуду несколько дней, остановился у Розена; Алексей Аркадич здесь еще; и едет послезавтра. Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо – и мне довольно весело; был вчера у Николая Николаевича Анненкова и завтра у него обедаю; он был со мною очень любезен: – вот всё, что я могу вам сказать про мою здешнюю жизнь; еще прибавлю, что я от здешнего воздуха потолстел в два дни; решительно Петербург мне вреден; может быть, также я поздоровел оттого, что всю дорогу пил горькую воду, которая мне всегда очень полезна. Скажите пожалуйста от меня Екимю Шангирею, что я ему напишу перед отъездом отсюда и кое-что пришлю. – Вероятно Сашенькина свадьба уж была и потому прошу вас ее поздравить от меня; а Леокадии скажите от меня, что я ее целую и желаю исправиться, и быть как можно осторожнее вообще.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы, и уверены что бог вас вознаградит за все печали. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой
Ставрополь, 9-10 мая 1841 г.

Милая бабушка,

я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная, теперь не знаю сам

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава богу, здоров и спокоен, лишь бы вы были так спокойны, как я: одного только и желаю; пожалуйста оставайтесь в Петербурге: и для вас и для меня будет лучше во всех отношениях. Скажите Екиму Шангирею, что я ему не советую ехать в Америку, как он располагал, а уж лучше сюда на Кавказ. Оно и ближе и гораздо веселее.

Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне всё-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку.

Прощайте, милая бабушка, целую ваши ручки и молю бога, чтоб вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословения. –

Остаюсь покорный внук Лермонтов.

С. Н. Карамзиной
Stavropol Le 10 mai 1841 г.

Je viens d'arriver à Stavropol, chère M-elle Sophie, et je reparts le jour même pour l'expédition avec Stolipine Mongo. Souhaitez moi du bonheur et une légère blessure, c'est tout ce que l'on peut me souhaiter de mieux. J'espère que cette lettre vous trouvera encore à St. Pétersbourg et qu'au moment où vous la lirez je monterai à la brèche de Черкей. Comme vous avez de profondes connaissances en géographie je ne vous engage pas à regarder la carte, pour savoir où c'est; mais pour aider votre mémoire je vous dirai que c'est entre la mer Caspienne et la mer Noire, un peu au sud de Moscou et un peu au nord de l'Egypte, et surtout assez près d'Astracan, que vous connaissez si bien.

Je ne sais si cela durera; mais pendant mon voyage j'ai été possédé du démon de la poésie, idem, des vers. J'ai rempli d'à moitié un livre que m'a donné Odoevsky, ce qui m'a porté bonheur probablement; je suis allé jusqu'à faire des vers français, – oh! dépravation! Si vous voulez je vous les écrirai ici; ils sont très jolis pour des premiers vers; et dans le genre de Parny, si vous le connaissez.

L'ATTENTE

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre, qui vient doucement...

Eh non! – trompeuse espérance! –
C'est un vieux saule, qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche, et longtemps l'écoute;

Je crois entendre sur la route
Le son, qu'un pas léger produit...

Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse

Le bruit d'une feuille, que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse

Et m'endors d'un sommeil profond...

Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:

Sa voix me parlait à l'oreille,

Sa bouche me baisait au front.

Vous pouvez voir par ceci quelle salutaire influence a eu sur moi le printemps, saison enchantée, où l'on a de la boue jusqu'aux oreilles, et le moins de fleurs possible. – Donc, je pars ce soir: je vous avouerai que je suis passablement fatigué de tous ces voyages qui paraissent devoir se prolonger dans l'éternité.

– J'ai voulu écrire encore à quelques personnes à Pétersbourg, entre autres à M-me Smirnoff, mais je ne sais si cette action téméraire lui serait agréable, voilà pourquoi je m'abstiens. Si vous me répondez, adressez à Stavropol, в штаб генерала Грaбе – je me suis arrangé pour qu'on m'envoie mes lettres – adieu; mes respects je vous prie à tous les vôtres; et encore adieu – portez vous bien, soyez heureuse et ne m'oubliez pas.

Tout à Vous Lermontoff.

Перевод

Письма. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Ставрополь 10 мая 1841 г.

Я только что приехал в Ставрополь, дорогая m-llle Sophie, и в тот же день уезжаю в экспедицию с Столыпинам-Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это всё, что только можно мне пожелать. Я надеюсь, что это письмо вас застанет еще в С.-Петербурге и что в ту минуту, как вы будете его читать, я ворвусь в пролом Черкея. Так как вы обладаете основательными познаниями в географии, то я не заставляю вас смотреть на карту, чтобы узнать, где это; но в помощь вашей памяти скажу, что это между Каспийским и Черным морем, немного южнее Москвы, и немного севернее Египта, а главное довольно близко к Астрахани, которая вам так хорошо знакома.

Я не знаю, будет ли это продолжаться, но в течение моего путешествия я был одержим демоном поэзии, т. е. стихов. Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне вероятно принесло счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи: О, извращенность! Если разрешите, я их напишу здесь же. Они очень хороши для первых стихов, и в манере Парни, если он вам знаком:

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в сумрачной равнине;
Вдали я вижу белеющую тень, –
Тень, которая тихо подходит...
Но нет – обманчивая надежда!
Это старая ива, которая покачивает
Свой ствол, высохший и блестящий.
Я наклоняюсь и долго слушаю:
Мае кажется, я слышу по дороге
Звук легких шагов...
Нет, не то! Это во мху
Шорох листа, гонимого
Ароматным ветром ночи.
Полный горькой печали,
Я ложусь в густую траву
И засыпаю глубоким сном...
Вдруг я просыпаюсь, дрожа:
Ее голос говорил мне на ухо,
Ее губы целовали мой лоб.

Из этого вы можете видеть, какое спасительное влияние имела на меня весна, очарованная пора, когда грязи по уши и меньше всего цветов. – Итак, я уезжаю сегодня вечером. Признаюсь вам, что я изрядно устал от всех этих путешествий, которые, по-видимому, продолжаются в вечности. Я хотел написать еще некоторым лицам в Петербург, в том числе и госпоже Смирновой, но я не уверен, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок и поэтому воздерживаюсь. Если вы будете мне отвечать, адресуйте в Ставрополь, в штаб генерала Граббе; я договорился, что мне перешлют адресованные мне письма – прощайте; передайте приветы всем вашим; еще раз прощайте. Будьте здоровы, счастливы и не забывайте меня.

Весь ваш Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой
Пятигорск Июня 28 1841 г.

Милая бабушка,

Пишу к вам из Пятигорска куды я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха. Я получил ваших три письма вдруг и притом бумагу от Степана насчет продажи людей, которую надо засвидетельствовать и подписать здесь; я это всё здесь обделаю и пошлю.

Напрасно вы мне не послали книгу графини Раstopчиной; пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира, по-англински, да не знаю, можно ли найти в Петербурге; препоручите Екимю. Только пожалуйста поскорее; если это будет скоро, то здесь еще меня застанет.

То, что вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, я полагаю еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь

еще ждать?

Вы бы хорошенько спросили только выпустят ли если я подам.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; целую ваши ручки, прошу
вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермонтов.

Примечания

1

по небесному глобусу вписано

2

однако ж вписано

3

оперу вписано

4

было: ко мне

5

портфеля (франц.). 2

6

о! я чувствую себя, как обычно.....хорошо! (франц.).

7

Страданья тела происходят от болезней души! (франц.).

8

Выражение одного ученика. (Примечание Лермонтова.)

9

Г-н Ж. Жандро (франц.).

10

после было начато: Верно

11

было: не смотрит

12

было: я помню конец

13

придворные вписано.

14

после было: чтобы5

15

твоей кузины вписано

16

Неиссякаемый источник! (Франц.).

17

веселой шайки (франц.).

18

было: Куда как скучен

19

было: Но наконец

20

было: Но рок 3

21

В автографе расчибанный

22

было: fréquement

23

было: Мой серебряный песок

24

было холодной

25

было: qu'il est hypocrite

26

было: comme

27

в рукописи: chacauts

28

перед personne было: propre

29

перед content было: et

30

Великие имена создаются на Востоке. (Франц.).

31

было: Tout cela

32

перед c'est si doux было: je sais

33

было: risquées

34

было: dans la famille

35

для детского возраста (франц.).

36

я хотел бы, чтобы предмет этих стихов не стал бы негодником (непереводимая игра слов). (франц.).

37

было: чувством

38

Под липами. (франц.).

39 было: хотя

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!